Екатерина Байдина

ПОЛУОСТРОВ СЭИН

Екатерина Байдина

Полуостров сэйн

https://litres.ru/74748617
SelfPub; 2026

Аннотация

Эта книга первая по времени написания, но не первая по хронологии событий. Действие происходит на выдуманной планете в выдуманной стране. В первой части "Кайя" сталкиваются люди и лесные сэйны - Хранители жизни. Столкновение заканчивается полным истреблением сэйн. Сможет ли единственная оставшаяся в живых сэйна Кайя не просто выжить, но выполнять свой долг - защищать жизнь? И одна ли она осталась?

Во второй части "Лисия" речь о девочке, живущей в Городе и слишком поздно узнающей, что она сэйна. Она чувствует себя в клетке. Можно ли сломать прутья?

Екатерина Байдина
Полуостров сэйн

КНИГА 1
КАЙЯ
ПРОЛОГ

Полуостров безжизнен. Ничто здесь не растёт, не бегает, не летает. Речки пересохли, доступ к подземным ключам закрыт. Озёра полны ядовитой водой, мутны от грязи. Люди давно покинули этот когда-то цветущий край, погибший по их вине. Город, оставленный ими, разрушился. Только ветры чувствуют себя здесь полновластными хозяевами.

А прежде Полуостров был покрыт чудесным лесом. В нём жили сэйны — хранительницы жизни. Люди из Города считали их волшебницами: феями или ведьмами. На самом деле сэйны не колдовали. Просто они были родными по духу лесу и его обитателям, дружили с животными, говорили с деревьями. Они использовали Силу, данную им природой, чтобы перемещаться с места на место или подавлять враждебность чужого разума; они могли, послав мыслепоиск, найти заблудившегося в лесу и показать дорогу. Сэйны умели проникнуть в зверя, птицу, дерево — потому им были понятны чувства животных и растений. Друг с другом они общались на расстоянии. В трудную минуту любая сэйна ощущала мыс-

ленную поддержку или получала реальную помощь. В засуху они собирали тучи, проливая дождь над жаждущим лесом, а заодно над полями людей; в суровые зимы подкармливали зверей и птиц. Объединённая Сила сэйн однажды остановила ураган, не дав ему обрушиться на Город.

Защитницы леса мало общались с горожанами: ведь люди не любили и не берегли природу. Но они тоже были видом жизни, поэтому сэйны обязаны были их защищать. Хотя молодёжь приходилось долго учить тому, что жизнь человека так же священна, как жизнь зверя, даже несмотря на то, что сами люди истребляют природу и друг друга. Сэйн тоже. От страха. Всё, чего не знают и не понимают, они считают враждебным и опасным для себя. Вместо того, чтобы изучить Силу сэйн и найти её в себе, они её уничтожают. Вместе с самими сэйнами. За последние столетия участились охоты и облавы на «лесных ведьм». Но и в «мирное» время защитницы леса гибли, спасая зверей и птиц от пуль, а деревья от пожара и топора.

Тогда было решено возродить Гнездо — древний Замок, в стародавние времена покинутый неведомыми хозяевами. Сэйны не умели работать с камнями. Гнездо перестраивали люди, навсегда покинувшие Город ради леса. Оно стояло на высокой скале; чтобы туда добраться, надо было преодолеть густой лес. Зато с башни Гнезда открывался необыкновенный вид на Город, море и дальние горы. Само Гнездо было видно издали. Сэйны окутали его шкуркой лиан, цветущих

дважды в год, обнажённой осталась только дозорная башня. Люди — строители Гнезда поселились в нём вместе с сэйнами. У них рождались сыновья-полукровки, которые не обладали Силой, но могли слышать Зов Беды; а дочери их были сэйнами.

Люди из Города решили, что ведьмы держат их товарищей в плену. Стали собирать карательный отряд, вооружаться. Но строителям Гнезда каким-то образом удалось переубедить их. Набег на лес в этот раз был предотвращён.

Вернувшись в Город, отряд не разошёлся. Несостоявшиеся каратели провели рейд по улицам, выловив дюжины две ночных грабителей, державших их прежде в страхе. Впоследствии эти люди стали часто собираться в минуту опасности, чтобы оказать друг другу помощь. Так появились первые сэйверы.

В те страшные дни, когда все живое, включая сэйн, было истреблено, и сам воздух стал опасен для жизни, сэйверы руководили эвакуацией людей с гибнущего Полуострова. А потом обосновались в северном Городе.

Хотя их соединение называлось «полком», сэйверы не считались военными, не подчиняясь ни Генеральному Штабу, ни кому-либо другому. Это было своего рода государство в государстве. Они жили по своим внутренним законам, объединенные лишь одной благородной целью: оказывать помощь там, где она нужна, даже с риском для жизни.

Полк делился на пять отрядов. «Волки» спасали людей в

лесу, «саламандры» — на пожаре, «дельфины» — в воде. Были еще и «кроты». Их дело — пещеры, завалы, подземелья. Но поскольку «подземные авралы» случались в Городе редко, «кроты» привыкли бездельничать. Это был самый ненадёжный отряд. Остальные сэйверы презирали их, между собой называя «крысами».

Самым престижным был отряд «стрекоз». Войти в этот отряд было сложнее, чем в другие, но и служба в нём оказывалась тяжелее. «Стрекоз» посылали на самые опасные авралы, где другие просто не справились бы. Дело было не только в наилучшей подготовке. «Стрекозы» могли летать. У них был механизм, называемый «крыльями», хотя скорее похожий на пропеллер. Управляя ногами, «стрекозы» держали руки свободными для работы.

Карательный отряд, из которого родились сэйверы, был давно забыт. Полк пользовался доброй славой, никогда никому не отказывая в помощи. О подвигах сэйверов говорили с восхищением. Но ни один сэйвер не принимал наград ни от кого, кроме собственного командира. Самым знаменитым из командиров «стрекоз» была Кайя.

Часть 1

Сэйверы

ГЛАВА 1

Тихим голосом, который постороннему человеку мог показаться спокойным и равнодушным, Кайя сказала:

— Даже не надейся на трибунал, крыса.

Дир, фыркнув, повернулся к приятелю.

— Как тебе наша дисциплина, Лушт? Знаешь, на что она злится? Я вчера не был на посту. Не просиживал штаны на бесполезном стуле.Лушт с сомнением глянул на Кайю.

— Действительно?

Она спокойно посмотрела на него, и улыбочка её не могла бы понравиться никому.

— Один раз споткнулся — пошёл дальше, другой раз ногу сломал. Дир на этот раз сломал больше, чем ногу.

Она снова перевела глаза на Дира.

— Впрочем, чего ещё ждать от крысы…

— Ты снова оскорбляешь мой отряд! Мы — «кроты»!

— Крысы, – убеждённо поправила она. — По крайней мере, ты.

— Понимаешь, я на посту должен просидеть четыре часа. Если что-нибудь случится, нажать кнопочку, — пояснил Дир Лушту. Кайя сквозь зубы выговорила:

— Вчера эту кнопочку нажать было некому. Если бы ты хоть предупредил, что прогуляешь! — голос её дрогнул, она остановилась, чтобы глубоко вздохнуть; но удержать слёз Кайе не удалось. — Если бы предупредил… Я бы заменила тебя на «стрекозу», и ничего бы не было… Ничего…

Она отёла слезы резким движением, с тихой ненавистью прошептав:

— Не надейся на трибунал.

У Лушта на лице было любопытство. Ничего не поняв из слов Кайи,он спросил приятеля:

— Она что, считает смерть слишком малым наказанием?

Его слова в другой обстановке могли бы прозвучать шуткой. Но теперь они стали для Дира последней каплей: до него начало доходить, что произошло нечто из ряда вон выходящее. Он очень внимательно посмотрел на Кайю.

— За что же, по-твоему, меня убить мало?

— Не мало, а милосердно.

Лушт, переводивший взгляд с одного на другого, вмешался:

— Госпожа, я прошу разъяснить неразумному… — он всё ещё пытался шуткой разрядить обстановку.

— Я прежде не раз говорила тебе, Лушт, что для тебя не госпожа, а просто Кайя. Разъяснить могу. Ты знаешь, что такое шестой пост? Вижу, что нет. Это опасная зона.

— Да какая там опасная! — встрял Дир. Тут Кайя сорвалась. Прежде чем она сама отдала себе отчет, её кулак резко рванулся вперёд, в зубы Дира. Тот отлетел. Она удивлённо посмотрела на руку, тщательно вытерла её о платок, который потом швырнула под ноги, и повернулась к Лушту. Теперь уже она не пыталась сдержать слез.

— На шестом посту время от времени открывается ворон-

ка. В ней какой-то механизм, вроде огромной вертушки. Его лопасти крутятся со средней скоростью. Но они острее, чем ножи «стрекоз». Остановить нельзя. Мы пытались. Беда в том, что никто не знает, какова природа явления. Невозможно предсказать, когда и где воронка возникнет в следующий раз. Чтобы её контролировать, мы установили этот пост. Новое органическое покрытие даёт возможность быстрого заполнения разрыва при соответствующей команде с пульта. Та самая кнопочка…

Она отвернулась, сообразив, наконец, что ревёт в три ручья. Стала искать платок. Вспомнила, что выбросила его. Перед ней возникла рука Лушта. Кайя схватила его платок, вытерла лицо. Оправившийся Дир снова попытался дерзить.

— Это присказка. А сказка?

Кайя резко повернулась и, глядя ему в глаза, отчеканила:

— Сказка будет впереди!

Ещё пару раз вдохнув-выдохнув, она негромко сказала:

— Ведь ты на последнем совете бил себя в грудь, вопя, что никогда не повторишь ошибки… что не прогуляешь дежурства… Твой командир за тебя поручился…

Дир облизал пересохшие губы.

— Ты издеваться-то кончай. Что случилось? Я понял, воронка открылась. И что?

— Как это — «и что»?

— Но ведь там никого не было, значит, никто не пострадал? Сажай на губу. Чего трибуналом грозишь?

— Если бы ничего не случилось, я бы тебя просто вышвырнула вон. А трибуналом я не грожу. Наоборот, лишаю надежды. На лёгкий исход.Она снова повернулась к Лушту.

— В обязанности дежурного входит следить, чтобы посторонний не попал в опасную зону. Правда, если скаут-прибор засечёт незваного гостя, то по его сигналу тут же явится группа того отряда, к которому принадлежит дежурный…

— Кто-то проник в Зону? — Встрял Дир.

— Один из тех людей, которые, оставшись без присмотра, пролезут везде.

— Кто же это? — спросил Лушт.

— Ребенок. Как раз открылась воронка. И некому было нажать кнопочку.

— Ребёнок погиб?— Нет.Дир перевёл дух. Лушт тоже. Она вздохнула.

— Понимаешь, Дир, было два человека. Один тебе поверил, другой нет. Поэтому ребёнок жив.Дир хлопнул её по плечу, ухмыляясь.

— Ну, ладно, я виноват. И ты переволновалась. Понимаю. Должен сказать, что я чуть не поверил, что кто-то погиб. Ты с каждым разом всё интереснее разносы устраиваешь. Хватит на сегодня. Раз никто не погиб…

— Разве я сказала — «никто не погиб»? — грустно спросила Кайя.

— А… кто?

— «Стрекозы». Как всегда. По халатности крыс гибнут

«стрекозы»…Она замолчала. Лушт вмешался.

— Знаете, давайте присядем. А то госпожа свалится.— Не свалюсь. Но если присяду — усну… Так вот. Мы возвращались после вахты втроём — я, Мариги и Вита. Я хотела попрощаться с подругами, чтобы зайти на шестой пост, тебя проверить.

— Ну, кто мне не поверил, я и так догадаться мог, — нервно проговорил Дир.

— А поверила — твоя невеста Мариги. Мы с ней поспорили на полёт. Вита была свидетелем. Мы втроём пошли на твой пост… Ты, конечно, не являлся. Я рванула на связь вызывать замену, тут раздался сигнал о проникновении. Девочки побежали в сектор, я вызвала «стрекоз» и бросилась за ними. В секторе была маленькая девочка. Мариги почти уже добежала до неё и протянула руки, когда под ребёнком открылась воронка. Мариги прыгнула туда, буквально вытолкнув из воронки девчонку… Вита — за ней. А девочка тоже побежала к провалу. Со страху, наверное… Я еле успела её перехватить… Потом подоспели наши…

— Что же ты сама кнопочку не нажала?

Лушт пихнул Дира локтем. Кайя усмехнулась.

— В этом вопросе ты весь, Дир. А девочки?

— Их… спасли?

— Прибыли «стрекозы» Мирха. Они попытались заклинить лопасти, чтобы вытащить наших… То, что от них осталось…

Дир вцепился в Кайю:

— Ты! Кончай мучить! Мариги! Моя Мариги! Она…

— Когда её достали, она была ещё жива. Знаешь, даже Мирх плакал, увидев…

Глаза Кайи внимательно смотрели на Дира, того вдруг словно подменили. Кулаки и зубы сжаты, взгляд в никуда… Она безжалостно продолжала.

— Мариги была не только жива, но в сознании. И чувствовала, как её изрезало на бруски… Она просила удара милосердия.

— Кто нанёс?— Я.

— Госпожа, довольно с него, — вмешался Лушт. — Видите, что с ним творится?

— Погибло двое. Четверо в реанимации, включая ребёнка. Из них только малышка вне опасности. «Стрекозы» вряд ли выживут. А с этим, — она презрительно ткнула в Дира, — всё в порядке. Жив, здоров, не ранен.

— Он потерял невесту.

— «Стрекозы» потеряли двух сестёр.

— Это не одно и то же, госпожа.Кайя посмотрела ему в глаза:

— Ты продолжаешь называть меня «госпожой», чтобы разозлить? — с досадой спросила она. Лушт пожал плечами.

— Если бы из-за его легкомыслия опасности подверглась твоя собственная дочь? Ты бы тоже жалел его? Или попытался придушить?

— Надеюсь, моя дочь в порядке!

— Но эта девочка — тоже чья-то дочь. И её отец вряд ли считает, что для этого типа может существовать слишком жестокое наказание…

ГЛАВА 2

В столовой внезапно включилась связь.

— Внимание! Доноры, готовые сдать кровь группы С-8, С-9, С-11, пройдите в дезкамеру. «Кротам» не беспокоиться.

Несколько человек из вскочивших с неохотой сели на место.

— Видал? — отметил Дир. — Это всё она на «кротов» ополчилась.

— На крыс, — донеслось от соседнего столика.Дир чуть не взвился, но Лушт его усадил назад.

— Внимание! Нужна кровь С-8, С-9, С-11. Доноры, пройдите в дезкамеру. «Кротам» не беспокоиться.Командир «кротов» подошёл к их столику.

— Твоя работа. Отряд расформируют.

— Не может быть! Командир скользнул взглядом по нашивке Лушта.

— Тебе, рекрут, перейти бы, пока не поздно, в другой отряд. А то поручитель у тебя, прямо скажем, не вызывает доверия.

— Другого всё равно нет, — нагло усмехнулся Дир.

— Почему же…

Голос Кайи был на удивление слаб, да и сама она, бледная, еле стояла на ногах. Лушт сразу подвинул ей стул, и она полуупала на него.

— Так вот. Назови отряд, у тебя будет поручитель. Любой отряд.

— Даже «стрекозы»?

— Да.

Лушт, конечно, пошутил. Это было видно по его лицу. Но у Кайи глаза были закрыты, лица Лушта не видели. Уж она-то не шутила, это точно. Он внимательно посмотрел на Кайю и мягко сказал:

— Вам бы отдохнуть, госпожа… Она удивлённо подняла голову. Мгновение смотрела на него, потом выпрямилась.

— Ничего. Со мной всё в порядке. Если ты собираешься к «стрекозам», то я тебе не госпожа, а вождь. Обращаются ко мне по имени.

— Ты уже вождь? — удивился командир «кротов».

— Да. Мариги погибла, избрали меня… Лушт, ты серьезно к «стрекозам» хочешь?

— Хочу.

— Эх, друг, называется, — выступил Дир.

— Подавай рапорт о переводе, рекрут Лушт. Поручитель у тебя будет, — она щёлкнула пальцами, делая заказ. Но ей на плечо легла рука.

— Я тебя всё-таки нашёл. Ты ела?

— Я только пришла.

— Долго издеваться над собой будешь?

— В смысле?

Она спросила таким тоном, что даже новичку Лушту ясно стало: эти перепалки не впервые.— Сама не понимаешь? Объяснить?

— Слушай, врач-грач, я не твой пациент. Так?

— Скоро станешь. Такими-то темпами.

— Тогда и поговорим. А теперь будь добр, чтобы я тебя увидела вон там далеко.

— Нет, ты мне скажи. Мы договорились на триста кубиков?

— Да.

— И при мне ты позволила Элене взять триста?

— Да. Теперь мне поесть можно?

Ей как раз принесли миску с донорским пайком. Повернувшись к столу, она демонстративно занялась им.

— Сколько ты еще разрешила взять?

— Вот зануда!

— Нет, ты уж мне ответь. Сколько кубиков ещё ты разрешила взять?

— Когда я ем, я глух и нем.

— Нет, ты ответь. Знаешь же, не отстану.

— А ты моему командиру пожалуйся, — мрачно пошутила Кайя. Врач на несколько минут замолчал: её команди-

ром ещё позавчера была Мариги… Пользуясь этим, Кайя, расправившись с едой, собиралась встать и уйти, но доктор удержал её на месте.

— Нет, я хочу знать.

— Тьфу, ты еще тут?

— Сколько кубиков ты позволила взять сверх трёхсот?

— Нисколько. Доктор онемел. Она встала, кивнув Лушту.

— Иди в мой кабинет, рекрут, крайний слева компьютер — твой. Рапорт о переводе к «стрекозам», данные о себе — семье — родне. Ну, сам знаешь.

— А поручитель?

— Я же сказала, — вздохнула Кайя. — Будет. Ты больше не «крот». Приучайся верить командиру.

— Нет, погоди, — прервал её доктор. — Ты намекнула, что Элена сама, без позволения, взяла у тебя кровь?

— Без позволения, но не сама.

— А по-человечески можно?

— Я ей не разрешала. Я приказала. Мой приказ для неё, «стрекозы», значит больше, чем твой.Врач «переварил».

— Сколько же ты приказала?

— Сколько надо. Я откуда знаю?Доктор остолбенел.

— Но она взяла ещё триста с лишним!

— Значит, взяла.

— Это при твоём…

— Посажу на губу за разглашение служебной тайны! И вообще, док. Девчонку надо было спасать? Такой случай! А

мне что? Наемся, отосплюсь, и всё.Врач упавшим голосом прокомментировал:

— Дождёшься от тебя, чтобы ты выспалась! У тебя на неделе две вахты, три аврала и ночи в лазарете. Когда последний раз ложилась? Дня три назад, так?

Она усмехнулась.

— Два. Да ладно, сегодня обещаю выспаться. Только с рекрутом разберусь.

— Я могу и сам.Кайя развернулась:

— Почему ты ещё тут? Я же приказала! Здесь тебе не «кроты». Живо на губу загремишь.

Она схватила его за руку и буквально потащила за собой. Только в лифте, отпустив его рукав, опёрлась спиной о стену.

— Ты извини, что я так грубо уволокла тебя. Просто сбежать от доктора хотела поскорее. Достал.Лушт молча улыбнулся. О взрывном характере Кайи среди сэйверов ходили легенды. Как и о её подвигах, которые можно было бы назвать выдумками, если бы не десятки — не свидетелей, а соратников и спасённых.

К сэйверам Лушт пришёл около двух месяцев назад. Когда-то он жил себе спокойно. Был женат, встречался с друзьями. Готовился стать чемпионом, но, поругавшись с тренером, ушёл из спорта. Стал наниматься телохранителем. Это приносило меньше денег, жена начала пилить. Лушт старался поменьше бывать дома. Нанялся охранником в сиротский приют. Там познакомился с женщиной, изменившей всю его

жизнь. Она тоже полюбила его, но потом внезапно резко и грубо, не объяснив причин, прогнала. Сама же куда-то исчезла. С этих самых пор он не находил себе места. На жену смотреть тошно было. Бросил бы всё — да не мог дочь-малышку оставить. Все чаще думал, зачем всё это? Пить начал. Жена и пилила, и скандалила… Однажды домой пьяного не пустила. Он плюнул, развернулся и ушёл. Бродяжил. Но иногда работать нанимался. Получку и паёк семье отсылал. Порой узнавал окольными путями, как там дочь… Не тянуло его назад. Но и лицо той женщины мало-помалу стиралось из его памяти…

Так бы и катился он вниз. Да однажды его в тоннеле засыпало. Еле живого его сэйверы-«кроты» вытащили. Тогда он с этим шебутным Диром познакомился. Тот за Лушта перед сэйверами поручился.Этого всего он, конечно, в биографии не писал. Пока Кайя подрёмывала в своём кресле, он, стараясь не шуметь, выдал машине короткие сведения о себе.

Но Кайя, оказывается, просто сидела с закрытыми глазами. Когда Лушт встал, она подняла голову.

— Уже?

Ткнула какую-то кнопку, взглянула на монитор, потом строго посмотрела на Лушта.

— Знаешь, рекрут, твоя личная жизнь меня не касается. Но ты обязан указать своих родственников. Независимо от твоих с ними отношений.

— Зачем?

— Если тебе или им потребуется помощь… Итак, у тебя жена и две дочери. Правильно?

Лушт отметил, что здесь служба информации работает лучше, чем у «кротов».

— Откуда вы…

— Ты, — поправила Кайя. — Свои источники информации я не обсуждаю. Садись к компьютеру. Ещё раз тебе говорю: тут не «кроты». У «стрекоз» дисциплина алмазная. Привыкай к этому сразу. Вопрос «зачем» принимается после выполнения приказа. Ясно?

— Так точно.

— Не надо формализма, Луште. Садись, работай.«Луште», — повторил он про себя. В последний раз так ласково давным-давно назвала его она, которую он долго не мог забыть, но теперь не может и вспомнить.Он ввёл данные на свою жену и дочерей, а Кайя, как он заметил, читала всё на своем экране. Вдруг она ахнула.

— Рекрут, твоя младшая дочь так выглядит сейчас?

— Нет, это года три назад. Я её давно не видел.

— Погоди-ка…Кайя стала колдовать с компьютером, потом ткнула в какую-то кнопку.

— Дежурный, мне сюда компьютерного гения!

— Что произошло? — спросил Лушт.

— Ничего, — как-то напряжённо ответила она. — Хочу посмотреть на твою дочь теперь. Либо я сошла с ума, либо…

— Что?

— Либо… А, Вечко, заходи. Глянь сюда. Вот этого ребёнка состарь мне года на три.

— Ага, – кивнул молодой человек, садясь за клавиатуру. Кайя тем временем нажала кнопку.

— Мне казарму. Дежурный, приготовь место в рекрутском блоке. Да, только одно. Нет, больше мы от «крыс» никого не берём. Пришли за Луштом кого-нибудь, сразу и за вещами сходят. Назначь нового рекрута на тренировки с завтрашнего дня. Поручитель есть. Отключаюсь.

Она обернулась к Вечко.

— Ну, что вышло?

Взглянула, дёрнулась. Потом присела на кончик кресла, вцепившись в подлокотники.

— Спасибо, Вечко, свободен… Я, кажется, переутомилась всерьёз…

Её взгляд странно тревожил Лушта, он поднял глаза.

— Рекрут, где сейчас твоя дочь? — тихо спросила она.

— Дома.

— Ты уверен? Проверил бы. Я дам тебе отпуск до конца дня.

— Это приказ?

Её лицо посуровело, она подтвердила.

— Считай, что да. Иди. Как только перенесёшь вещи в нашу казарму — свободен до двадцати двух часов.Когда он был уже в дверях, она вслед ему сказала:

— Луште, скажи потом, как поживает твоя дочь. Хорошо?

Лушт оглянулся.

— Зачем?

Она секунду помолчала, потом махнула рукой:

— Иди.

Это слово обдало его таким холодом, что он уже ничего не ответил.Когда он вышел, Кайя, зевнув, ещё раз ткнула в селектор.

— Ребята, работайте сами. Меня нет до Совета.

ГЛАВА 3

Все занятия были отменены, кроме самых необходимых. Конечно, дежурный «всякий случай» учитывался тоже.В столовой было тихо. Ели молча, почти не переговариваясь. Сегодня днём кремировали троих погибших «стрекоз». Церемонию проводил Дир.

Накануне вечером Совет под сильным давлением Кайи решил не отдавать Дира под трибунал. Хотя этот «крот» обрадовался — жить будет! — но потом стал осознавать, что радость оказалась преждевременной.— Ты подчинишься приговору Совета? Или выбираешь трибунал?— Подчинюсь Совету.

— Совет велит тебе жить. Но не среди живых — ты там не нужен. И не среди уходящих — ты там тоже не нужен. Ты будешь жить между живыми и мёртвыми. Твоя работа — провожать ушедших, хранить память о них. У тебя будет кров,

еда, одежда. Самое необходимое. Связь с внешним миром ты поддерживать не можешь. Тебе запрещены всякого рода попытки «развеяться». Твой удел — пепел.

— Как долго?

— До конца. Учти, твой самовольный уход из жизни тоже исключён. Это будет обеспечено. Итак, ты еще можешь выбрать трибунал.

— Я выбираю жизнь.

Кайя с презрением сморщила губы.

— Ну и получи свою вожделенную жизнь. Снимите с него нашивки, переоденьте в серый комбинезон, отправьте в крематорий. Первую ты проводишь Мариги… Подготовишь всё к церемонии.

Дир всё сделал, как полагалось. Только когда с громким стуком за Мариги захлопнулась заслонка печи, он окончательно понял, к чему именно приговорила его Кайя.Потом вслед за Мариги отправилась Вита, за ней Сарт… По приказу Кайи в ту же печку бросили мундир и вещи Дира. Считалось, что погибших четверо.Не в обычае сэйверов устраивать плачи-поминки-речи. О кремируемых говорили скупо. В основном для рекрутов, чтобы привыкали к мысли, что им тоже придётся со временем отдать жизнь.

Церемония не была долгой, но на Лушта подействовала удручающе. Может, из-за Дира; скорее, из-за вчерашнего визита домой.Его самолюбие было уязвлено: жена нашла себе другого, видимо, вскоре после его ухода. Она вышла к Лу-

шту с годовалым ребёнком на руках.

— Где дочери?

— Зачем пришёл?

— Я спрашиваю, где мои дочери?

— Ах, поглядите, какая память! О дочерях вспомнил. Тебе до них какое дело?

— Мне можно войти?

— Нет! Это больше не твой дом!

В общем, она была права: он сам лишил себя дома. Лушт попытался взять себя в руки.

— Послушай, дай мне только увидеть дочерей, и всё. Я уйду.

— Ах, проснулся! Никого ты не увидишь! — истерично завизжала она. Лушт понял, что без скандала он ничего не добьётся. Вдруг на него «накатило». Уже не контролируя себя, он втолкнул женщину в дверь, шагнул за ней и запер замок. Она испуганно смотрела на тяжело дышавшего Лушта, на его налитые кровью глаза, сжатые кулаки.

— Ты что… ты что… — завсхлипывала она. — Не смей, слышишь?

Она бросилась в соседнюю комнату, он за ней. Завопил ребенок. Женщина положила его на тахту, яростно загораживая собой:

— Не трожь!

— Дура! Я — ребёнка?! Я и тебя не трону. Нужна ты мне. Скажи, где дочери, и я уйду.

Ему удалось взять себя в руки, потому что на месте вопящего мальчугана он вдруг увидел свою младшенькую…

— Что с ними?

Она не знала. Старшая замужем, не пишет. Младшая — не до неё было. Куда-то делась. Тут столько забот! Вот, маленький растет…

— Как же ты, мать, так к дочери отнестись могла?

— А ты, отец?На это нечего ответить было.

Женщина, утешая сыночка и на всякий случай загораживая его собой, добавила:

— Чем старше, тем больше она на тебя походила. А мне тебя бы в гробу увидеть… Понимаю, дочь не виновата. Но себя пересилить не могу. Уходи и не возвращайся больше.

Он ушёл. Послонялся по улицам. Потом ноги сами донесли его до проходной сэйверов. Ровно в двадцать два.

После обряда он надеялся увидеть Кайю, рассказать о дочери. Потом раздумал. Но она явилась в столовую сама.

— Внимание! Решением Совета отряд крыс… то есть «кротов», расформирован. Рекруты и сэйверы-«кроты», встать. Вы имеете право перейти — при наличии поручителя — в рекрутские и сэйверские группы любого отряда. Кроме «стрекоз». Сесть. Командиры-«кроты». Возможен переход в любой отряд, кроме «стрекоз», в качестве рядовых сэйверов. Если поруки нет, рапорт об увольнении мне на монитор завтра к вечеру. Если нет желания переходить в другой отряд — то же самое. Сказано. Вопросы есть?

Кто-то крикнул:

— «Стрекозы», значит, боятся испачкаться?

— Да, — холодно ответила Кайя. — Крысы воняют.

— Но одного «крота» ты всё же взяла.

— Этот рекрут ошибся в выборе отряда.Лушт поднял на неё глаза и сказал:

— Поручителя из другого отряда у меня не было.

— Был, Лушт. Ты плохо искал. Я, кажется, сразу сказала тебе, что поручитель есть. Просто ты ухватился за первого подвернувшегося под руку. Ещё вопросы есть?

— Я выполнил приказ, госпожа.Стало тихо. Все знали, как относится Кайя к этому слову.

— Я знаю, что выполнил. Марш в кабинет выстукивать отчёт. Учти на будущее: все персональные приказы заканчиваются отчётом, посланным на мой монитор. Да, ещё. Кто твой командир, рекрут?

— Сандро.

— Передай ему от меня два часа ареста. За каждую следующую «госпожу» он будет получать на час больше, пока не научит тебя обращаться ко мне по уставу. Тебе я последний раз говорю: госпожа я для живых за стеной.

Для сэйверов я Кайя. Можешь идти.Сигнал тревоги раздался как всегда неожиданно.

— Вызываем «дельфинов». Двое детей тонут в реке.

Не сговариваясь, несколько дельфинов из столовой побежали за снаряжением.

— Звено, за крыльями! — скомандовала Кайя. Почти набегу она связалась с дежурным, приказав до особого распоряжения не выпускать за стену никого из крыс.

— Ты чего стоишь? — Хлопнул кто-то Лушта по плечу. — Иди, выполняй приказы. Сажай под арест командира да пиши отчет.

Он покачал головой. Не мог он с этим идти к командиру. Понадеявшись, что кто-нибудь другой скажет Сандро, он пошёл в кабинет вождя.

Лушт долго думал над отчётом. Словами он бы сказал всё, а вот написать…В кабинет заглянул Вечко.

— Привет. Колдуешь?

— Отчёт сочиняю.

— Сочинять, рекрут, у нас не принято.

— Я в том смысле, что…

— Что ты не писатель. Вот ты-то мне и нужен. Я вещицу одну изобрёл. Давай на тебе испытаем? Ну что ты, боишься? В крайнем случае, просто не получится. Током не ударит, обещаю.

— Что за вещица?

— Войсер. Ты говорить будешь, а машина — записывать и уберёт всю лишнюю информацию сама. Ну?

— Какую лишнюю информацию?

— Всякие «э» и «ме». Так согласен? Всё равно делать нечего, тренировок нет, читатель ты такой же, как писатель… Как?

— Ну, давай.— Тебя звать-то как?

— Лушт.

— А я Вечко.

Он стал опутывать рекрута проводами, ставить присоски и что-то припаивать к антифасаду компьютера. Наконец, сунул Лушту в руки какую-то воронку.

— Говори сюда. Начал.Лушт, открыв рот, понял, что сказать нечего. Он просто ещё раз в ускоренном темпе прожил эти ужасные минуты встречи с бывшей женой…— Отлично! — ликующе сказал Вечко. — Всё получилось!

Рекрут смотрел на монитор, где аккуратными строчками высвечивался текст.«По приказу вождя я посетил свою бывшую жену с целью узнать о судьбе младшей дочери. У жены новая семья, младшая дочь исчезла, сведений о ней нет. В двадцать два вернулся в казарму».

— Но я ничего не говорил!

— Войсер реагирует даже на невысказанные мысли. Теперь число, подпись и отправь к ней на монитор.Он освободил Лушта от «связок».

— Подожди меня, на ужин вместе пойдём. Кстати, ты Сандро уже сказал об аресте?

— Не могу я.

— Э, рекрут, брось. И тебе, и ему лучше, если скажешь до её возвращения. Не то ему срок прибавят.

— Строга она у вас.

— У нас. Она и твой вождь. Её все тут на руках носить го-

товы, хоть ни за что в этом не признаются. Да и сама Кайя не позволит. Если ты собираешься впредь дразнить её, смотри: поймают и отлупят.

— Дразнить?

— Госпожой называть.

— Но это из уважения…

— А ей, может, лучше, чтобы ты обругал её Тебе трудно пойти женщине навстречу?

— Женщине!

— Да, женщине. Какая бы храбрая и мудрая ни была, она женщина. Так что не дразни Кайю. Понял? Ну, вот, я готов. Пошли в столовую! — он выпустил рекрута первого и стал запирать кодовый замок кабинета.

— Эх, рекрут! Повезло же тебе с поручителем!

— Кто же мой поручитель?

Вечко чуть не сел на месте.

— Ты что, не знаешь? Она! Кайя.

ГЛАВА 4

Два дня Кайи видно не было. Заправляли всем Вечко и Мирх. Негласно. За год Кайя так наладила «рутинную» сторону, так вышколила всех, что и «заправлять» ничем не было нужно.

Рекрутам прибавилось дела: начались лекции. Некоторые фыркали, узнав эту новость. Другие нашли способ отдохнуть

от изматывающих тренировок.

Лушт с удивлением понял, что Сандро — да и все — отнеслись к аресту спокойно. Рекрут пытался извиниться, но командир (который по возрасту ему в сыновья годился) объяснил:

— Это справедливо. Раз ты совершил проступок — значит, я, твой наставник, плохо тебе объяснил. Вина моя, и наказан я. Когда сам станешь командиром, поймёшь. Просто не называй её «госпожой». Ей это не нравится.

— Не по уставу, — усмехнулся Лушт.

— Не нравится, — с нажимом повторил Сандро. — Мы должны не доставлять ей лишних хлопот. Не досаждать. Давай о тебе поговорим. Что произошло?

Рекрут смотрел на командира и молчал. Он почему-то не мог рассказать ему о пропавшей дочери.

— Ладно, если так, храни свою тайну, твоё право. Просто знай, что здесь твои друзья, тебя поддержат. Теперь марш на лекцию.

Два дня Лушт изучал историю сэйверов, цели отрядов, сколько-когда-кого спасали, имена и подвиги знаменитых спасателей — погибших, конечно: здесь до старости не доживали. Всё это время он думал о… о дочери тоже. Но почему-то о Кайе больше. Нет, конечно, он в неё не влюбился. Даже говорить о ней как о женщине смешно. В гимзале она выделывала такое, что ему не снилось. На спарринге ей равных не было. Лушт помнил, как она им, профессиональным

борцом, без пяти минут чемпионом, лихо подметала маты…

В отряде служили другие женщины. Храбрые, с хорошей выучкой и реакцией, тренированные, «обстрелянные». Но в свободное время они были мягкими, кокетливыми, носили украшения, одевались с изяществом и вкусом, даже делали прически. Хотя по уставу волосы полагалось остригать коротко, они отращивали их до мочек ушей. Кайя с пониманием относилась к таким вольностям. Но сама оставляла на голове «ёжик», носила мундир или «боевой» комбинезон, никогда не душилась, не красилась, не украшалась.И не улыбалась. Ну, почти не улыбалась. Во всяком случае, радостной и милой улыбкой — ни разу, с тех пор, как он её увидел…

— Эй, рекрут, о чём задумался? — пихнул его Вечко.

— Так… Ты же сам всё знаешь.

— Откуда? А, ты об отчёте? Не беспокойся. Кайя уже приняла меры, я уверен.

— Где она сама?

— После аврала у всех участников три дня отдыха.

— А-а-а.

— Только она отдых никогда не берёт.

— Почему?Вечко внимательно посмотрел на него.

— Это твой последний вопрос о Кайе. Она не желает, чтобы лезли в её дела. Вождь должен о нас знать всё, но о себе может ничего не сообщать, это её право. Просто по факту: она отпуска не берёт. Дальше — логика. Понял?

— Нет.

— В лазарете она. Там всё звено побывало. Но всех отпустили: они царапинами отделались. А её там подержат.

— Что с ней?

— Думаю, ничего особенного. Просто ей надо отдохнуть. Вот доктор и решил подержать её в боксе силой.

— Пора бы запомнить, — раздался голос Кайи, — что силой со мной ничего нельзя сделать. Разве что убить.

— О, Кайя, привет! — раздалось со всех сторон.

Она раскланялась со всеми, поправила куртку, небрежно прикрывавшую левое плечо.

— Народ, мою карточку отобрали в лазарете. Кто сегодня меня накормит?

— Садись к нам, — поспешно сказал Вечко, дёрнув за левую руку. Её лицо на неуловимый миг сморщилось, она тяжело задышала, но тут же обычным тоном сказала:

— Думаю, ты не сорвал мне повязку. Чего испугался?

— Ты ранена серьёзно?

— Слегка. Из лазарета сбежала. Заживёт, не впервой. Просто с доком ругаться надоело.

В это время Лушт щелкнул пальцами:

— Обед для гос… вождя.

Глаза Кайи, сузившиеся было, приняли свою натуральную форму.

— Спасибо, Лушт. Как получу карточку — переведу долг на твой счёт.

Подошел Сандро.

— Сколько мне сидеть? — пошутил он.

— Пока нисколько. Лушт сам исправился, — без тени улыбки ответила она.

В дверь ворвался разъярённый доктор. Он оглядел столовую, но Кайи не увидел. Между ним и ею мгновенно оказались Сандро с Вечко, увлечённо о чём-то спорящие. Спрятавшись за их широкими спинами, она дождалась, пока принесут обед. Почти захлёбываясь, Кайя торопливо заглатывала еду. Рекрут наблюдал за ней; когда она подняла голову, то встретила добрый и немного насмешливый взгляд. Врач, между тем, двинулся с места. Кайя подмигнула Лушту.

— Внимание, обход. Больные по палатам. Ты уже поел, рекрут?

— Да.

— Тогда проводи меня. Точнее, прикрой. Ну, замаскируй. Хорошо?

— Так точно, — улыбнулся он. Кайя дёрнула Вечко за рукав:— Спасибо, ребята, я ушла.

Доктор всё же заметил её, но она развернулась и опрометью, перепрыгивая через столики, бросилась от него, выкрикивая на ходу:

— Я от бабушки ушёл! Я от дедушки ушёл!

Врач побежал за ней, в столовой все лежали от хохота. Ещё бы: ловкая, худенькая, прыгучая Кайя убегала от толстого неуклюжего доктора. Когда он, споткнувшись, растянулся на полу, она тоже остановилась:

— Эй, док! Первая помощь нужна?

Он поднялся и сел на стул, стирая пот.

— Ну что ты за человек?

— Я не человек, я «стрекоза».

— Брось шутить. Над своими «стрекозами» кудахчешь, заставляешь их долечиваться и отдыхать, а сама…

— Мне некогда. Летать я с порванным плечом, конечно, не могу. Но лежать не заставишь. Так и знай. На перевязки ходить обещаю, процедуры делать буду, что ты ещё назначишь… Но большего не жди.

— Ну, хоть процедуры пообещала. И то хлеб, — он поднялся, строго сказав. — Чтобы два раза в день как штык!

— Есть! — молодцевато подтянулась Кайя, добавив. — Сегодня вечером приду — вернёшь карточку. Мне рекруту долг отдать надо.

Лушт, стоявший рядом, покачал головой.

— Никакого долга. Я угостил вас.

— Угощать будешь девиц в баре. Я всегда плачу долги.

Прежде, чем он смог ответить, Кайя повернулась к Сандро:

— У рекрутов сегодня есть ещё занятия?

— Да.

— Тогда до встречи на ужине. Вечко, зайди в кабинет. И… — она огляделась, — Мирх! Пока я небоеспособна, за вылеты стрекоз отвечаешь ты. Это приказ.

Мирх кивнул. Кайя уточнила:

— Дня на три-четыре, — и ушла с Вечко. Мирх подошёл к врачу.

— Выкладывай, что с ней.

— Ага, — усмехнулся тот. — И сядь на губу за разглашение служебной тайны.

Лушт спросил Сандро:

— Чем же она вас всех так запугала?

Сандро посмотрел на него, вздохнув:

— Ты ведь о своих бедах не треплешься всем подряд? Вот и она не хочет, чтобы мы о ней знали. Её право. А насчет «запугала» ты ошибаешься. Сэйвера напугать не так-то просто…

Мирх настойчиво осаждал врача.— Так что же с ней?

— Не скажу. Не имею права.

— Она впервые сдает полномочия на несколько дней!

— Не волнуйся. Если она сдержит слово, будет дважды в день в лазарет являться — недели через две рана заживёт.— Она говорила о трёх днях.

— Она не врач. Все же некоторые вещи мне лучше знать.

Но доктор ошибся. К его удивлению, за неделю и следа от раны Кайи не осталось.

ГЛАВА 5

В гимзал Кайя вошла неожиданно.

— Эй, Сандро! Когда освобождается тренажёр? Мне бы

плечо восстановить.

Лушт вздрогнул, услышав её голос, и чуть не упал с брусьев. Она, одним махом допрыгнув, подставила ему под ноги здоровое плечо для опоры. Другие рекруты тоже подстраховали. Лушт восстановил равновесие.

— Спасибо, ребята.Все как ни в чём не бывало разошлись по своим местам. Кайя вернулась к Сандро.

— За эту неделю твои рекруты многому научились.

— Да они и умели многое.

— Тогда пора им в лагеря. Через пару месяцев вернутся, пройдут тесты — и мы определим, кто может перейти к полётам. Вопросы.— Отправлять всех?

— Да. Во главе с тобой. Те, кто останутся, будут уже до конца в твоём звене.

— Лушт тоже?

— Какие проблемы с Луштом?

— Он… нет, всё в порядке.

— На губу захотел? Я жду, когда ты изволишь заметить, что у него на ладонях кровь.

— Какая кровь? Рекрут Лушт, ко мне!

Тот подошёл.

— Ладони вверх… В лазарет немедленно!

— Нет, — возразила Кайя, доставая из кармана мед. пакет.

— Рекруты! Кто может оказать первую помощь

Не мог никто.

— Сандро, лагерь отставить. Займись с рекрутами мед. помощью.

— Хорошо.

— Лушт, ступай в лазарет. Нет, постой. Я сама тебя провожу. Сандро, тренажёр мне приготовь.Они вышли. В лифте Лушт осмелился спросить.

— Как вы догадались…

— Знаешь, рекрут, у меня была подруга. Мариги. Её сейчас нет.

— Я знаю.

— Так вот. Я её тоже сначала не могла отучить от «вы», пока не перешла к радикальному методу.

— Какому?

— Лупила косой за каждое «вы».

— Чем?!

— У меня была длинная толстая коса. Почти до колен. Это было давно… Так вот, Мариги отучилась за неделю. Сейчас косы нет. Какой метод нужен для тебя?

— Я постараюсь. Но вы… ты не ответила на вопрос.

— Какой?

— Как вы… ты узнала, стоя ко мне спиной, о моих ободранных ладонях?

— По запалу крови.

— И сразу решила, что это моя кровь?

— У меня хорошее обоняние. Ну, и логика. При мне никто, кроме тебя, не срывался.

Лифт остановился. Кайя скомандовала:

— Вот вход в лазарет. Твоя первая дверь. После перевязки ко мне в кабинет. Сказано.

Она нырнула в тот же самый лифт. Лушт удивлённо таращился на закрытую дверь. У неё была коса. Никогда бы не подумал… Впрочем, что он о ней знает на самом деле?

Элена, сделав запрос, обнаружила, что о Луште никаких медицинских данных нет. Так что ему пришлось пару часов провести за тестами и анализами. Взяв у него кровь, Элена спросила:

— Донор?

— Нет.

— Держи руку согнутой.Она поколдовала над какими-то пробирками, потом сунула их в гнёзда, изучила результат, и, покачав головой, связалась с дежурным.

— Это лазарет. Свяжите с Кайей.

— Что случилось? — спросил рекрут.

— Ничего… Кайя? Это Элена. Я посылаю тебе результаты анализа крови рекрута Лушта. Это первичные результаты, подробности завтра, — сказала она бесстрастно.

Элена быстро застучала по клавиатуре. Рекрут подошёл к ней.

— Хотя бы взглянуть можно? Кровь-то моя!

— Конечно, можно. Даже нужно

.Она подробно объяснила все детали анализа, сообщила, что его группа А-1, и перевела данные на индивидуальную

карточку Лушта.

— Кайя требует сообщать даже такие мелочи?

— Это не мелочь, рекрут. Если требуется спасать жизнь, сэйверы дают кровь. Или ты против? Заставлять не будут. Донорство — дело добровольное.

— Конечно, дам! Просто хотел понять…

— Завтра с утра на перевязку. Пока не сниму «шкурку» — никаких работ руками.

— А чем же?

— Ногами и мозгами. Ты ведь новенький, так? У нас есть фильмотека, библиотека, танцзал, оранжерея, клуб; выбирай по душе. А сейчас марш в кабинет.

Элена пыталась поскорее спровадить пациента. Ей не терпелось сделать проверку… Она не сказала Лушту, как ошеломили её результаты его анализа. Правда, она, представив Кайю, подумала, что та будет взволнована больше.

Элена вспомнила ужасный вечер, когда принесли мёртвые тела Мариги Виты, и четверых раненых. Усталой, измотанной Кайе она хотела ввести снотворное, но та отказалась:

— Может потребоваться кровь. Ребятам моя не подходит, у девочки возьми анализ. Я пока здесь посижу.

Когда Элена принесла результат, Кайя дремала. Но вскочила при первом прикосновении.

— Ну, готово?

— Да.Кайя бросила взгляд на лист, потом гневно посмотрела на Элену.

— Ты что, шутить вздумала? Мой анализ подсовываешь?

— Это не твой анализ, Кайя. В том-то всё и дело.

— Так не бывает.Их кровь совпадала по шестидесяти двум пунктам. Обычно достаточно было тридцати. При тридцати пяти донор считался очень хорошим, при сорока — идеальным. Совпадение по сорок одному пункту было один раз — у сестёр-двойняшек. Но это близкое родство, а у Кайи родни не было. Ни близкой, ни дальней. Если только…

— Элена, об этом никому. Служебная тайна.

— Да.

— Пошли перекачивать кровь.

Конечно, тут же налетел доктор, конечно, запретил брать больше трехсот кубиков, конечно, Кайя его не послушала и ночевала рядом с девочкой. Потому что всё же была живой, а не каменной, и ей тоже пришлось вливание делать. Но как только она смогла встать на ноги и доела плитку шоколада из НЗ, хранимого Эленой специально для неё, тут же ушла, строго приказав звать её к девочке при первой надобности.

Во всём полку сэйверов лишь у Кайи была кровь группы А-1. Второй стала девочка. Сегодня появился третий…

Он сидел перед Кайей.

— Плохо, рекрут, — строго сказала она. — Никуда не годится.

— Кровь плохая?

— Внимание плохое. Что бы ни было вокруг, твои пальцы не должны разжиматься.

— А, меня «разносят» за кувырок с брусьев?

— Да, за него. И не «разносят». Ну, представь такое во время аврала. Ты же всех подведёшь!

— Я понял.

— Отлично.

— Можно идти?

— Пока нет. Ты что в Городе натворил?

— Я?!

— В полиции на тебя было заведено дело. Ты избил женщину, угрожал убить годовалого ребёнка.

Лушт ошеломлённо молчал. Кайя ожидала. Наконец, рекрут вздохнул.

— Это чудовищная ложь. Я даже оправдываться не буду.

— Я знаю, что ты не тронул ни жены, ни её сына. Заявление на тебя подал её теперешний муж: хотел содрать деньги. Он не учёл, что мне пришлось однажды спасать комиссара полиции, который заставил твою жену сказать правду… своими способами. Дело закрыто. Я это говорю просто для твоего сведения. Тебе, наверное, не стоит с ней больше общаться. Хотя это не моё дело.

Она замолчала. Пользуясь этим Лушт спросил:

— Вы… ты сразу мне поверила?

— Да.

— Ты меня не знаешь.— Знаю. Ты сэйвер. Ещё вопросы есть?

— Почему ты отрезала косу?Она резко опустила глаза.

Потом, подняв их снова, спокойно сказала:

— Надень парик с косой и повертись на турнике.Он улыбнулся.

— Турника мне не видеть дня три, — и показал ладони. Кайя вдруг задумалась.

— Слушай, рекрут… у детей в Городе есть какая-то игрушка. То ли Пуся, то ли Буся…

— Бусси. Это большой мохнатый зверь. У моей дочери такой был.

— Знаешь, значит? Сделай одолжение, купи для меня такую. Всё равно у тебя занятий нет.

Лушт удивлённо смотрел на Кайю, она вдруг разозлилась:

— Чего рот открыл? У нас в лазарете маленькая девочка. Хочет такую Бусси.

— Такого. Бусси — он.

— Пусть такого. Сходишь?

Он кивнул, отметив, что это просьба, а не приказ.

— Купи похожего на того, какого покупал дочери. Домой в этот раз не заходи. Понял?

— Да.

— И вот ещё что, Лушт. Бусси попроси упаковать так, чтобы ни единая душа не подозревала, что внутри. И сам держи язык за зубами.

— Хорошо, госпожа…

— А Сандро передай пять часов губы!!!

ГЛАВА 6

К ужину Лушт не пришёл. Кайя, отзанимавшись на тренажере под присмотром Мирха, сказала ему:

— Освободи Сандро. Пусть поищет Лушта.

— Подожди, Кайя, у меня к тебе дело.

— Пойдем в кабинет?

— А без формализма?

— Ну, говори.

— Ты никого из крыс не взяла к нам. Только его. Почему?

— Я ему доверяю.

— Почему? Ты знаешь его недолго, как и мы все. Последние два года его жизни мне лично доверия не внушают.

— Обо мне ты не знаешь вообще ничего. Но доверяешь, правильно?

— Я видел тебя в деле.

— Вот и я его видела в деле.

— Когда?

— Давно. Он спас жизнь просто потому, что не мог этого не сделать. Да и в тоннеле он пытался помочь спасать других, хотя был ранен.

— Ты лично видела, как он спасал кого-то?

— Да.

Мирх немного помолчал.

— Этот спасённый человек выжил? Я бы хотел с ним поговорить. Мне странно слышать такое о Луште.

— Почему?

— Не знаю.

— Моего слова недостаточно?

— О, достаточно, конечно. Но ты можешь сказать, кто этот человек?

— Могу. Это я. Ещё вопросы есть? Нет? Хорошо. Иди, выполняй приказ.

— Иду.

Мирх повернулся и пошёл. Не нравился ему Лушт — и всё тут. Самое неприятное, что он, кажется, нравился Кайе. Впрочем, Мирх попытался себя убедить, что ошибся.

Освобождённый Сандро уже хотел сам направиться в Город, когда от ворот пришло сообщение о возвращении Лушта. Рекрут, как полагается, доложил о выполнении задания.

— Иди готовь отчёт, — приказал Сандро.

Лушт, не заходя никуда, направился в кабинет Кайи. Её там не было, он положил ей на стол огромную коробку, а рядом… Рекрут сам не знал, что на него нашло, когда, обойдя Город и, наконец, купив Бусси, стал возвращаться. Он попытался представить Кайю с косой. Один раз в жизни он видел женщину с длинной толстой косой — Ту женщину. Коса и Кайя как-то не вязались друг с другом.

Коробка была большая и неудобная. Он нёс её, перекладывая с плеча на плечо. Ладони немного саднило. Ерунда, конечно, но неприятно. Вдруг он увидел небольшой цветочный магазин, а в нём чудесные розы нежно-лилового цвета.

Он достал карточку, прикинул так и сяк, потом, махнув рукой, зашёл.

Теперь на столе Кайи рядом с коробкой красовались три цветка.

С отчётом Лушт справился быстро и решил сходить в лазарет. Проходя мимо одного из боксов, он услышал тихое пение. Женский голос, очень приятный. Из любопытства он попытался заглянуть в дверь, но его перехватила Элена.

— Рекрут, сюда нельзя. Там больная.

— Кто?

— Оли. Ей Кайя колыбельную поёт.

— Кайя?!

— Ну да. Когда Оли очнулась, Кайя стала приходить к ней каждый вечер, кроме авральных и вахтенных. Ведь это её кровь перелили девочке. Пойдём на перевязку.

После перевязки Лушт пошел в казарму. Ему хотелось привести мысли в порядок. Коса… песня… Бусси… Всё это как-то нем вязалось с образом вождя сэйверов-«стрекоз».

Но в казарме его ждал Мирх.

— Рекрут, я бы хотел узнать кое-что о твоём прошлом.

— По уставу я не обязан отвечать.

— Ты ответишь всего на один вопрос. Когда ты спас Кайю?

— Я?!

— Она утверждает, что ты спас ей жизнь. Поэтому она так доверяет тебе, что поручилась. Я хочу знать, когда и как это

произошло.Лушт был несказанно удивлён.

— Это ошибка. Я не мог спасать её. Я впервые увидел госпожу… то есть Кайю… когда меня доставали из тоннеля. Она там наблюдала за действиями «кротов».

— Да, я знаю. Но она говорит, что ты её спас. Кайя никогда не лжёт. Я хочу, чтобы ты вспомнил, кого ты спасал. Вообще. В своей жизни, начиная с детства. Вспомнишь — скажешь мне.

Мирх ушёл. Лушт не спеша разделся и лёг. В голове была полнейшая неразбериха.

— Ладно, подумаю завтра обо всем, — решил он. — Утром думается легче.

Но утром его ждал ещё один сюрприз. Надо сказать, малоприятный.Всем рекрутам велено было собраться на плац после завтрака. Рекрутов было немного — на все четыре отряда не более тридцати, «стрекоз» среди них всего пять человек. Строиться полагалось по отрядам, но это построение не было торжественным, потому стояли вперемешку.

— Рекруты! — громко и чётко прозвучала команда Кайи. — Смирно. Я собрала здесь только вас, ибо то, что произошло, не может быть связано ни с кем, кроме новичков. Я не стану проводить следствие и наказывать кого-либо. Просто выражаю надежду, что подобного не повторится никогда. Сегодня утром, войдя в свой кабинет, я обнаружила у себя на столе три трупа.

Она перевела дух. Все подавленно молчали. Кайя вздох-

нула и уже совсем другим тоном заговорила снова. Если бы не совершенно бесстрастное лицо, тон этот можно было бы назвать «задушевным».

— Поймите, рекруты. Мы сэйверы. Мы должны спасать и хранить жизнь. Ведь с этой целью вы пришли сюда. С этой целью с вас дерут три шкуры в гимзале. С этой целью гоняют в лагеря. Мы должны хранить жизнь. Мы не имеем права убивать.Из рядов рекрутов донёсся вопрос:

— Почему ты думаешь, что убийца — рекрут?

— Я это знаю. Даже знаю, кто именно. Уверена, что он себя убийцей не считает. Он действовал с самыми благородными намерениями. Опасаюсь, что большинство из вас тоже не посчитает его убийцей. Именно поэтому я собрала всех вас, чтобы вы меня выслушали и постарались понять мои слова.

Она снова передохнула, скользнув взглядом по лицу Сандро, других командиров.

— Мы иногда убиваем. Мы наносим удары милосердия, когда наши товарищи-сэйверы просят об этом. Мы можем убить негодяя, чтобы защитить кого-то. Каждый такой случай обсуждается на Совете, потому что он вопиющ. Сэйверы не должны убивать. Это всем ясно?

Нестройные голоса рекрутов подтвердили: ясно.

— Я говорю не только о людях. На нашей планете есть и другая жизнь. Звери, птицы, цветы…Она снова скосила глаза на Лушта и увидела: он понял.

— Сэйверы не охотятся ради развлечения. Убить зверя —

такое же преступление, как убить человека. Конечно, бывают исключительные случаи. Самозащита, например. Но, повторяю: звери, птицы, рыбы имею право на жизнь, как и люди. Это всем понятно?

Снова ропот рекрутов подтвердил: понятно.— Тогда почему же, — проникновенно заговорила Кайя, — вы не признаёте такого же права за растениями? Почему можете походя обломить ветку дерева? Почему — просто так — позволяете себе рвать цветы? Да ещё класть их трупы на мой стол? Мне всё равно, труп человека или цветка. Мы сэйверы — хранители жизни. Мы не имеет права убивать ни людей, ни зверей, ни цветы. Если вы не понимаете этого — хотя бы запомните.Потом, уже твёрдым голосом, сказала:

— Тот, кто положил трупы мне на стол, пусть их оттуда уберёт. Сейчас же. Это всё. Разойтись.

Развернувшись, она пошла с плаца. Лушт догнал её почти у кабинета. Она открыла дверь, шагнула внутрь. Рекрут взял в руки уже начавшие вянуть розы.Кайя подошла к пульту.

— Дежурный, Мирха на связь. Мирх… там, в лазарете, «стрекозы» из твоего звена пришли в себя. Оба просят милосердия. Сходишь к ним. Если не сможешь переубедить, то…

Она села в своё кресло, посмотрела на Лушта.

— Днём, если Мирху не хватит красноречия, мы будем хоронить двух «стрекоз».

— Куда мне деть цветы?

— Объясняю ещё раз: днём кремируют мёртвых.

— Я должен эти розы…

— Эти трупы. Кремировать.

Лушт молча повернулся к двери, но услышал:

— Рекрут, кругом!

Он выполнил команду, встав подчеркнуто «смирно».

— Я тебя ещё не отпускала. После ужина явишься в кабинет, поможешь разобраться с Бусси. Вот теперь можешь идти.

ГЛАВА 7

Весь день Лушт был на взводе. Он сходил к крематорию, оставил там, как она выразилась, трупы. Потом послонялся по полку: в гимзал из-за рук всё ещё не был вхож. Пошёл в библиотеку, сел к монитору… Читать не хотелось. Он вдруг понял, что его самое большое желание сейчас — сбежав отсюда, напиться в стельку. Но даже в этом ему было отказано.

На обед он шёл неохотно. Сандро догнал Лушта.

— Твоя работа?

— Какая?

— Веник ей подсунуть.

— Какой веник?

— Ну, цветы!

— Что вы за люди! – взорвался Лушт.

— Э, тише, — дружелюбно улыбнулся Сандро. — Мы сэйверы. Насчёт хранителей жизни она права. Кому цветы нра-

вятся — может копаться в оранжерее. Хочешь, пристрою туда? Ведь должен ты чем-то заниматься в свободное время! Что тебе нравится?

Лушт пожал плечами. Сандро продолжал.

— Кайя говорит, ты поёшь неплохо. Может, в клуб наш ходить будешь? Подумал бы.

— Откуда она знает про моё пение?

— Она всё знает, — ответил Сандро. — Пошли обедать.

После обеда Сандро действительно привёл Лушта в клуб, показал, где что. Рекруту понравилась свобода, царившая здесь. Ему сразу вручили гитару, он попытался вспомнить как это — играть: два года не брал инструмент в руки. Но тут кто-то заметил «шкурку» на ладонях и отнял гитару.

— Нет, рекрут, ты рук не уродуй.

Он отдал инструмент походил немного по клубу, заглянул во все углы. Да, здесь ему определённо нравилось. Даже обида на Кайю немного улеглась. Лушту стало немного жалко её, по какой-то несуразной ошибке богов родившуюся женщиной. Ни красоты в ней, ни нежности. Сердца видимо, тоже нет. Радоваться не умеет. Она-то в этот клуб, наверное, ни ногой…

Рекрут уже шел назад, когда услышал строгие аккорды. Не утерпел, вошёл в зал. Кайя, Мирх и ещё несколько «стрекоз» сидели тесным кружком, Мирх терзал гитару, Кайя пела:

Рати всей впереди

Со стальными клинками-нервами
В сечу скачут вожди
Первыми.

Через ужас и жуть
С вечной болью от жил порванных
Нам с пути не свернуть
В сторону.

В поединке с судьбой
Не отступим — а трусам завидно.
Вечно длится наш бой
Праведный.

Наш удел — побеждать,
Кроме чести, не зная прибыли,
И не смерти нам ждать —
Гибели.

Доблесть — реющий стяг,
В чистоту её свято веруем.
С ней в бессмертие шаг
Сделаем.

На цыпочках подойдя к «стрекозам», Лушт дослушал песню. Кто-то подвинулся, давая ему место. В этот самый мо-

мент рекрут почувствовал в первый раз за долгое время, что здесь он свой.

— Значит, ты считаешь, они были неправы? — спросил Мирх, отложив гитару.

— Я им не судья, — ответила Кайя. — Но я бы боролась до конца.

На цыпочках подойдя к «стрекозам», Лушт дослушал песню. Кто-то подвинулся, давая ему место. В этот самый момент рекрут почувствовал в первый раз за долгое время, что здесь он свой.

— Мариги не смогла бы выжить ни при каких условиях. А твоих ребят вернули к жизни. Ты же, кстати, им кровь давал… Они испугались.

— Чего испугались? — спросил Лушт.

— Уродства. Слепоты, безногости… Правду говоря, жить им было бы нелегко. Я не осуждаю их за желание уйти. Но другие не ушли.

— Я пытался их убедить, — нахмурился Мирх.

— Плохо пытался. Я Вечко убедить смогла.

— А что с Вечко? — снова спросил Лушт.

— Ты не заметил? Он ходит на протезах. Ног нет. Все дежурные, вахтеры, связисты — инвалиды. Однако живут и служат.Внезапно в дверях возник Вечко.

— Кайя, это срочно.Она подошла, выслушала его, сжала губы.

— Так. Поднимай мое звено, всем крылья с седлами. И

троих «саламандр».

— Не мало — троих?

— У меня в звене только, считая меня, ещё надо везти оборудование. Больше трех «саламандр» не вытянем.Мирх встрял:

— Отправь наше звено.

— Разве ты не с аврала?

— Меня взять можно? — поднялся Лушт. Кайя с интересом на него посмотрела.

— Не терпится в дело? Возьму. Обязательно. Когда научишься летать.

Она вышла следом за Вечко. Лушт с досадой ударил кулаком об ладонь.

— Чего злишься, рекрут? Придёт твоё время.

— Да, конечно. Ты же слышал: когда научусь летать. Сказала бы сразу, что я не годен.

К его удивлению заулыбались все, даже Мирх.

— Чудак! Ты думаешь, почему наш отряд «стрекозами» называется? Мы летучи! Когда у рекрутов-«стрекоз» начнётся обучение полётам, всё сам испытаешь. Так что Кайя не потешалась над тобой, а обещала взять в своё звено. Цени!

Раздался сигнал на ужин, все пошли в столовую, кроме Мирха. Он спустился в лазарет, сообщил, что возможны травмы, ожоги и тому подобное, чтобы приготовились.

— Мирх, — спросила Элена, — это была очередь Кайи?

— Нет, конечно. Она как всегда встряла вне очереди, —

с досадой ответил он.

Элена кивнула.

— Она последние месяца два всё время встревает вне очереди, лезет в самые опасные дела.

— Да, я понимаю, – ответил Мирх.

— Что у неё случилось?

— Что у неё может случиться?

— Вы, ребята, кажется, забываете, что Кайя — живой человек. Сейчас она явно смерти ищет. Самоубийство ей вера запрещает. Но она очевидно перестала думать о своей безопасности. Вот я и спрашиваю: что с ней стряслось?

— Ты уверена, что она ищет смерти?

— Разве не видно? Хочу надеяться, что я ошибаюсь.

Мирх долго обдумывал слова Элены. Нет, это невозможно. Ни в коем случае. Это так не похоже на Кайю… Но если Элена права, что могло с ней произойти? Смерть Мариги? Для неё это действительно был удар. Однако она быстро оправилась. Или… или виноват Лушт?

Он как раз два месяца назад появился в полку; методично изводил Кайю, называя «госпожой», потом подбросил ещё и цветы… Ну, пришло время разобраться с ним. С самого начала Лушт вызывал у Мирха раздражение.

Его размышления прервал сигнал тревоги. Мирх побежал в кабинет Кайи. Отчёт был скуп. Оказывается, они полетели на лесной пожар. Правда, пока ещё «в бой» не пошли, сразу запросив подмоги. Все «волки», все «саламандры». Доставка

флипами. «Стрекозы» остаются. Мирху даже не пришлось ничего указывать: каждый знал, что делать во время аврала. Три флипа почти через десять минут были в воздухе.

— Дежурный, рекрута Лушта в кабинет, — приказал Мирх. Он понимал, что собирается подставить рекрута, но другого способа доказать его ненадёжность найти не мог.

Войдя, Лушт узнал, что ему оказано доверие: один из «волков» снят с шестого поста. До следующей смены два часа. Вот эти-то два часа его просят подежурить там.

О, Мирх объяснил рекруту всё досконально: как обращаться с пультом, в чём опасность. Он вовсе не собирался подвергать рекрута риску. Но был уверен: Лушт попался. Кайя воочию убедится в его никчёмности.

Лушт остался на посту. Вскоре к нему зашёл Вечко.

— Как служба, рекрут?

— Помаленьку.

— Выручи, а?

— Подожди. Мне полтора часа осталось, потом помогу.

— Да мне сейчас надо…

— Слушай, Вечко, — серьёзно сказал Лушт, не отрывая глаз от экрана. — Я ведь не совсем дурак, правда? Мирх за что-то взъелся на меня. И сюда поставил не просто так. Госпо… Кайя говорила, это самый сложный пост. До такой степени рекрутам не доверяют, так? По-моему, он хочет, чтобы я на этом посту погорел, как Дир. При всём уважении к тебе, Вечко, я Мирху такого удовольствия не доставлю.

— Да ты что! Мирх? Это не в его привычках — подставлять человека.

— И всё же.

— Ну ладно. Тогда я ухожу…

Лушт, вдруг вскочив, хлопнул по кнопке. Той самой. И уткнулся в экран, на котором ясно проглядывалась воронка. Её края медленно сужались: нарастало оргпокрытие. Вечко присвистнул:

— Ого! Знаешь, рекрут, никуда я не пойду. С тобой побуду. Подстрахую, пока не придёт смена. Удивил ты меня. Никогда бы на Мирха не подумал…

ГЛАВА 8

Когда вечером Лушт пришел на перевязку, Элена сняла «шкурку» и объявила, что с завтрашнего дня он может приступить к занятиям. Рекрут кивнул.

— Ты знаешь, что наши на аврале? — вдруг спросила Элена.

— Да.

— Так вот. Они тушат лесной пожар,и спасают зверей.

— Я уже выучил, что сэйверы готовы спасать любую жизнь, не только людей.

— Я не об этом. Могут быть жертвы. Может потребоваться кровь. Ты как, готов?

— Кровь дать? Конечно!

— Тогда будь в пределах досягаемости.

— Я бы в клуб пошёл.

— Хорошо. Там и будут искать, если надо.

В клубе сидело несколько «стрекоз» — из тех, кого Лушт видел днём. Ввзяв гитару, он подошёл к ним.

— Ребята, кто знает слова?

— Какие?

— Той песни, которую Кайя пела.

— А, понравилась?

— Слова — да, музыки там не было.

— Так-так, ты можешь что-то сочинить?

— Попробую. Давайте слова. Чьи они, кстати?

«Стрекозы» переглянулись.

— Сразу видно новичка. Это её слова. Разве ты не знал? Ну, давай. «Рати всей впереди…»

— Внимание! Доноры группы С-3, С-8, С-11 просьба пройти в дезкамеру. Повторяю…

Собеседник Лушта вскочил.

— В другой раз, рекрут. Или, ещё лучше, я тебе в казарму слова занесу.

Рекрут тоже пошёл в лазарет. Но Элена его погнала.

— Твоя кровь не нужна. Пока. Надеюсь, и вообще не потребуется.

— Я могу чем-то помочь?

— Надень халат, будешь возить каталки с пострадавшими.

Работы было не слишком много. Но в каждом следующем раненом Лушт со страхом ожидал увидеть Кайю. Она вернулась последней, уже под утро, вся в угле и пепле, но невредимая. Узнала, как дела в лазарете, кивнула Элене, наткнулась на Лушта…

— Ты что тут, всю ночь?

— Да.

Какое-то подобие улыбки промелькнуло на её лице.

— Иди, отдыхай. Завтра, то есть сегодня, ты освобождён от всех занятий.

— Кайя, лес потушили?

— Да. Хорошо сработали. Теперь егеря сами разберутся. Главное, никто не погиб: мы успели разогнать зверей до прилёта наших. «Саламандры» локализовали огонь, «волки» ставили заслон, мы, «стрекозы», поливали сверху. Потом переносили раненых во флипы… Извини, мне в душ надо. Спасибо за помощь.

Не выслушав ответа, она убежала. Лушт немного растерянно смотрел ей вслед. Кто-то тронул его за рукав.

— Она права, рекрут, тебе пора отдыхать. Аврал закончился. Хочешь, дам снотворное?

— Нет, Элена, — задумчиво ответил он, не поворачивая головы.

— А, — засмеялась она. — Ещё один влюбленный!

— Что?!

— Да не вставай на дыбы. Через это почти все сэйверы

прошли. Сейчас тоже влюблённых хватает.

— В Кайю?! Знаешь, Элена, более нелепого обвинения я в жизни не слыхал.

— Хорошо, если так. Всё же поостерегись. Кое-кто за «лирику» чуть стулом от Кайи не получил.

У себя на койке в казарме Лушт нашёл лист со словами песни. «Завтра», — решил он, сунул листок в карман комбинезона, начал раздеваться.

Уснуть он долго не мог. Даже пожалел, что не взял у Элены снотворное. В конце концов, задремал. Сквозь дрёму услышал приглушенный голос Сандро:

— Ребята, не будите Лушта. Он всю ночь в лазарете помогал.

А в кабинете с утра бушевала Кайя. Впрочем, буря эта выражалась в особом, уничтожающем взгляде и шипящих интонациях голоса. Такого разноса Мирх ещё никогда не получал. Но то, что Кайя сказала в конце, затмило всё.

— До сих пор, Мирх, я знала, что всегда могу на тебя положиться. Теперь я этого не знаю. Трое суток ареста. Сказано.

— Я могу сказать?

— Ну, говори.

— Твой Лушт утверждает, что никогда не спасал тебя.

— Если он забыл, это дела не меняет. Я-то помню.

— Я ему не верю.

— Я верю.

— Почему?!

— А почему ты не веришь?

— У меня предчувствие, интуиция, внутренний голос — называй, как хочешь. Он ненадёжен.

— Но на шестом посту он оказался вполне надёжным.

— Благодаря Вечко.

— Нет. Вечко рассказал мне об этом дежурстве. Кстати, ты не мог бы сдерживать эмоции хотя бы внешне? Лушт знает о твоём отношении.

— Пусть знает!

— Что с тобой, Мирх? Ты так изменился за последнее время!

— Ты тоже. Ещё ни одному рекруту ты не уделяла столько внимания!Кайя вытаращила глаза;

— Мирх! Это что — ревность?! Ты понимаешь, что устроил сцену? Да как ты смеешь! Какое твоё дело, кому из рекрутов я уделяю внимание! Лушт — самый перспективный и самый надёжный. Если это тебе не известно, он единственный вызвался добровольно помогать ночью в лазарете!

— Много помог?

— Немало. Прекрати к нему придираться.

— А ты прекрати его защищать.

— Значит так, командир Мирх. Неделя ареста. Если ты ещё раз попытаешься подставить кого-нибудь — вылетишь из «стрекоз». Сказано. Ступай.

После его ухода она вызвала Вечко.

— Мне отдохнуть надо. Подмени меня на сегодня. Хорошо?

Вечко кивнул. Кайя пошла к себе.

Где она жила — то есть ночевала, отдыхала — никто не знал. Это называлось «святая святых». Все командиры имели отдельные помещения, но только её комнаты не были никому доступны. Ни один сэйвер — даже ушедшая Мариги — не мог похвастать приглашением. Связь была установлена так хитро, что вычислить местонахождение её комнаты было невозможно. Кайя нечасто бывала там; но уж если оказывалась в своём «доме», то пропадала для всех.

Ей было плохо. Так плохо, как не было ещё никогда с тех пор, как она пришла в полк. У неё опустились руки. Сэйвер попытался подставить сэйвера, даже сам не понял, как ужасно то, что он сотворил. Обиднее всего, что это Мирх. Среди всех живых существ на земле у неё было только двое друзей. Совсем недавно она отпустила Мариги. Теперь потеряла Мирха. Ужасно. Ужасно. Это когда она нашла своё место. Своё дело. Свою цель… За что, Богиня?

Кайя приказала себе уснуть, проспала до обеда. Потом встала, без всякой охоты приняла душ, без всякого желания сжевала обед, по инерции приказала «доставить в койку» обед для сэйверов, вернувшихся с аврала. Ей приходилось себя понукать, чтобы сходить проверить посты, почитать отчёты…

— Тебе бы ещё немного отдохнуть, Кайя, — посоветовал

Вечко. Она внимательно посмотрела на него.

— Может, ты и прав. Может быть, я возьму отпуск. Тогда ты меня подменишь.

— Раньше подменял Мирх…

— С сегодняшнего дня будешь ты.

— Что с тобой происходит, Кайя?

— Ничего. Просто, как ты совершенно правильно заметил, я устала.

Когда Кайя говорила таким тоном, спорить было абсолютно безнадёжно и бесполезно.

На ужин она не пришла. Лушт провел вечер в клубе. Песня ему удалась, и товарищи-сэйверы оценили его музыку.

— Жаль, что она сама не слышит. Кайя, конечно, этого не покажет, но ей будет приятно.

— Придёт в клуб — спою, — пообещал Лушт.

— Что ты, рекрут! Она в клуб не ходит.

— Я же видел её здесь.

— Она Мирха хотела поддержать. Он проводил двух «стрекоз» из своего звена. — А кто поддержал её саму, когда Мариги погибла?

— Она бы не позволила. Если бы кто-то посмел ей посочувствовать — был бы такой скандал! Да ты за нее не беспокойся. Она сильнее всех нас.

— У каждого кончается запас силы. Что будет с ней тогда?

Сэйверы переглянулись. Они хотели что-то ответить, но заговорила связь. «Стрекоз» вызывали на посты. А рекрута

Лушта — в кабинет.

ГЛАВА 9

— Разговор будет сложным, рекрут Лушт. Но для начала сделай мне отчет о твоем дежурстве на шестом посту.

Пока он сидел за компьютером, она откинулась в кресле и прикрыла глаза. Ей вдруг пришло на ум: а не уйти ли из полка? Чем дольше она вертела эту мысль, тем более разумной она представлялась Кайя. Да, уйти. Потому что всё бессмысленно. Правда, пока уйти нельзя: надо доукомплектовать «стрекоз», подготовить Вечко — не Мирха, нет — на пост вождя, решить вопрос с Луштом…

— Кайя, — осторожно позвал рекрут. Она резко открыла глаза.

— Готово?Просмотрев отчет, она кивнула.

— Скажи, за что на тебя ополчился Мирх?

— Не знаю.

— Но догадываешься.

— Да.

— И в чём дело?

— Это только догадка.

— Ты скажешь?

— Нет.

Кайя устало посмотрела на него.

— Мирх был моим поручителем. Теперь — я твой пору-

читель.

— Почему?

— Что — почему?

— Почему ты поручилась за меня?

— Ты спас мне жизнь.

— Я не помню.

— Сэйвер и не должен помнить всех, кого спас. Но давай не отвлекаться. Наш полк — один организм. Мы все должны доверять друг другу. Даже если мы видим впервые человека с эмблемой сэйвера, мы верим в его надёжность. Ненадёжных мы отсекаем. Как «кротов».

— Я понимаю.

— Но чтобы мы пошли на такой страшный шаг, должно случиться нечто… как с Диром.

— Я понимаю, — повторил Лушт.

— Понимаешь? И доверяешь всем сэйверам?

Рекрут не сдержал улыбки.

— Это было непросто. Но теперь я осознал, что доверяю всем.

— И Мирху?

Лушт промолчал.

— Рекрут, я задала вопрос. В какой степени ты доверяешь Мирху? — ледяным тоном отчеканила Кайя.

— Я доверяю ему. И не считаю, что был им подставлен. То есть в этой ситуации на посту всё зависело от меня. Мирх объяснил мне подробно, несколько раз, заставил повторить;

только убедившись, что я всё понял, оставил одного на посту. Это была не подстава, а проверка. Надеюсь, я её выдержал, — он довольно посмотрел на Кайю. Та кивнула:

— Не сомневайся, выдержал. Но после этой проверки ты доверяешь Мирху?

— Да, доверяю, — твёрдо сказал Лушт.

— Потому что знаешь, за что он на тебя ополчился?

— Знаю.

— Но мне не скажешь.

— Нет.

— Мирх прислал мне рапорт с гауптвахты. Он всё равно не доверяет тебе.

— Я знаю. И знаю причину. Он ошибается.

— В тебе?

— В причине.

— Причина, ты полагаешь, во мне?

Лушт промолчал. Кайя тяжело вздохнула.

— Слушай, рекрут. Давай начистоту. Ты считаешь, он ревнует меня к тебе, так? В этом ты видишь причину? Ну, честно. Я не слепая.

— Да, в этом.

— Лушт, посмотри ты на меня внимательно. Разве меня можно ревновать?

Рекрут очень внимательно посмотрел ей в глаза.

— Можно. Я ведь тоже не слепой. Ты зачем-то уродуешь себя, носишь мундир на два номера больше, чтобы мешком

висел, волосы сбрила… На первый взгляд тебе удалось истребить в себе всё женское, но… Но тебя можно ревновать. Поверь мне.Её лицо помертвело. Лушт тихо добавил.

— Ты сама предложила начистоту.

— Да. Рада, что выслушала тебя. Теперь послушай ты. Я тоже сначала подумала, что Мирх ревнует. Для меня это было открытием. Он устроил мне скандал. Забыл, как сам, будучи поручителем, носился со мной, рекрутом. Он себе чуть волосы не выдрал, когда я косу сбрила, кому угодно в горло вцепиться был готов за «не такой» взгляд в мою сторону. А теперь удивляется, что я, твой поручитель, уделяю тебе внимание…

— Я так и подумал, что его ревность беспочвенна.

— Боюсь, это совсем не ревность, рекрут. С ревностью Мирха я бы справилась. Просто он подозревает, что ты…

Лушт ждал продолжения, но его не последовало. Кайя внезапно сменила тему.

— Спасибо за Бусси.

— Он понравился девочке?

— Не знаю. Сегодня мы отнесем ей игрушку. Думаю, Оли будет очень рада.

— Её зовут Оли?

— «Оли» означает «малышка». Я её так зову, пока она не вспомнит своего настоящего имени, своей семьи. У нее амнезия. Память обязательно вернётся к ней, уже начала возвращаться. Видишь, она вспомнила, что у неё был Бусси…

На самом деле, я подозреваю, кто такая Оли, как её зовут, даже кто её отец. Только пускать его к дочери не решаюсь.

— Ты не слишком много на себя берешь?

Кайя вдруг улыбнулась.

— У тебя есть шанс переубедить меня. Только сначала выслушай, хорошо? Ведь, собственно, для этого я тебя вызвала. Я боюсь, что, войдя к девочке, её отец устроит концерт на тему «здравствуй, дочка, я твой папа». Если она не вспомнит его сразу, начнёт тормошить ребенка «ну вспомни-вспомни». Этим он нанесёт непоправимый ущерб психике девочки. В лучшем случае она просто ничего не вспомнит. В худшем — испугается. В её состоянии последствия сильного испуга непредсказуемы.

— Ты ведь можешь это же сказать её отцу?

— Сказать-то могу, а толку?

— Неужели он захочет навредить собственному ребёнку?

— Вряд ли. Но я опасаюсь, что, увидев Оли, он забудет и мои слова, и свои обещания, не сможет сдержать эмоций… Он ведь живой человек. Вот ты, Лушт, тоже отец. Тебе виднее, как поступит отец в такой ситуации. Может, ради здоровья Оли пока ничего её родителю не говорить?

— Не знаю, как бы поступил её отец, а я ради дочери всё бы мог.

— Уверен?

— Да.

— Смотри. Я поверю тебе.

Тут лицо Лушта вытянулось.

— Ты хочешь сказать, что Оли — моя дочь? И всё это время ты знала?!

— Нет. Я и сейчас не уверена. Просто по некоторым признакам я предполагаю, что это так.

Она наблюдала за рекрутом. Он сидел с каменным лицом. Молча. Потом посмотрел на неё.

— Что дальше?

— Дальше на твоё усмотрение. Хочешь видеть Оли?

— Хочу!

— Пойдём, отнесёшь ей Бусси. Но помни: не называешь её ни дочерью, ни по имени; просто Оли. Никаких «пап», если она сама не вспомнит. И ненадолго.

— Это все условия?

— Зависит от того, насколько ты зол на меня. Потому что при ней ты должен быть милым и добрым, как Зимний Дедушка. Если очень рассердился, то скандал лучше исполнить сейчас, прямо здесь. Тебе ведь этого хочется, правда?

— Ты чудовище.

— Да. Я чудовище.

— Ты… — он осекся, махнул рукой.

— Это все? Или ты хочешь ещё что-то сказать?

— Нет, не хочу, ГОСПОЖА.

— Допусти, что я тебя обнадежила, но Оли оказалась не твоей дочерью?

Рекрут смотрел на нее молча.

— Кстати, — добавила Кайя, — ты последнее время о дочери не вспоминал, верно?

Он молчал.

— Хорошо. Сиди, пока не отозлишься. К Оли ты должен войти с приятной улыбкой и вести себя дружески по отношению ко мне, хотя бы в её боксе. Когда будешь готов — разбуди. Я подремлю.

Кайя откинулась в кресле, но через пару минут Лушт сказал:

— Я готов.

— Под столом коробка с Бусси. Бери, идём.В лазарете она свернула совершенно к другому боксу.

— Оли из реанимации уже перевели сюда. Здесь стена из стеклопластика. Она нас не видит, а мы можем наблюдать за ней. Ну, смотри. Это твоя дочь?

Лушт прилип к стене. Девочка, сидевшая на кроватке, была… была… у него перехватило дыхание. Он отвернулся. Рука Кайи легла ему на плечо.

— Спокойнее, Луште. Держи себя в руках. Распакуй Бусси, будь наготове. Я войду первая, потом позову тебя. Только ответь: я не ошиблась?

Он повернул к ней голову и посмотрел чуть сверху:

— Не ошиблась.

— Ты можешь помнить о её здоровье?

— Не беспокойся.

Кивнув, она толкнула дверь.— Оли!

— Кайя! — завопила девочка, спрыгнула с кроватки, бросилась к ней и повисла у неё на шее.Кайя, засмеявшись, подхватила ребёнка и закружилась по палате.

— Я тебя так ждала! Почему ты так долго не приходила? — целуя её, спросила Оли.

— Так вышло.Наконец, Кайя отпустила ребёнка, села в кресло. Девочка тут же забралась к ней на колени.

— Я так скучала по тебе.

— Я тоже.

Лушт слушал всё это вполуха. Он раздирал коробку, вытаскивал и взлохмачивал Бусси. Потом выпрямился, посмотрел в палату, ожидая обещанного сигнала.

Его дочь сидела на коленях у Кайи, та нежно обнимала её, улыбаясь. На лице её было счастье и ласка, глаза сияли… Великие боги, это — Кайя?

— Ты сегодня расскажешь мне сказку?

— Нет. У тебя сегодня гости.

— Кто?

— Угадай, — подмигнула Кайя.

— Ну, не знаю. Кто?

— Бусси.

— Ура!!! Где он?

— Сейчас войдёт, — Кайя помахала рукой. Лушт вошёл, неся перед собой Бусси.

— Бусси! Здравствуй! — девочка подбежала к рекруту, протянув руку к игрушке. Лушт отдал ей зверя, девочка веж-

ливо поклонилась.

— Спасибо, господин!

Она взяла Бусси возвратилась к Кайе.

— Я не господин, — начал Лушт.

— Ага, не нравится, господин? — ехидно спросила Кайя.

— Бусси, знакомься: я Оли, это Кайя. Мы будем играть все вместе.

— А меня примете? — спросил Лушт.

— Да, господин, — ответила малышка.

— Оли, — мягко сказала Кайя. — Этот человек — сэйвер, как и я. Нас называют по именам. Ты его не обижай, хорошо? Ведь это он принёс тебе Бусси. Его имя — Лушт.

— Лушт? Кайя, ты знаешь, так звали моего папу.

— Правда? — улыбнулась Кайя.

— Да… я помню.

— Что еще ты помнишь? — подсел к ней рекрут. За спиной Оли Кайя поднесла к его носу кулак.Распахнулась дверь, вошла Элена.

— Это что ещё такое? Ребёнку пора спать. Ну-ка, гости дорогие, покиньте помещение.

— Хорошо, — согласилась Кайя. — Рекрут, пойдём, — она направилась к выходу.

Оли подбежала к ней. Кайя присела на корточки, девочка обняла её, поцеловала.

— Приходи завтра, ладно? Мы с Бусси будем ждать.

— Я постараюсь. А Лушта ты не хочешь позвать?

Оли подошла к нему.

— Приходи, Лушт, я буду рада. Спасибо за Бусси.

Рекрут поднял ее на руки и крепко обнял.

— Я приду обязательно.Он поцеловал дочь и донес ее до кроватки.

— Спокойной ночи, моя хорошая.

— Спокойной ночи, Оли, — пожелала Кайя от порога.Вышла она первая. Лушт за ней. К лифту они шли молча. Потом он позвал её:

— Кайя, я сегодня обидел тебя. Прости.

Она обернулась. Ни следа не осталось от той Кайи, которая ласкала Оли.

— Меня никто не может обидеть. Но не потому, что не захочет; а потому что не знает, как.

— Зачем ты всё это на себя напускаешь? — он шагнул к ней, приобнял. Кайя двумя пальчиками сняла его руку со своего плеча.

— Рекрут Лушт, имей ввиду, что пока без меня ты к Оли не войдешь. Смотреть через стенку можешь сколько угодно, но сегодня ты чуть не сорвался. Поэтому пока — под моим присмотром.

— А потом?

— Потом она тебя вспомнит, я уверена. Вот тогда придётся думать, что делать с ней дальше. Я говорила с комиссаром полиции. Он ищет твою старшую дочь. Связался со Столицей: кажется, она поехала туда…

— Почему ты все это делаешь?

— Я твой вождь. Я отвечаю не только за то, чтобы все были сыты — одеты — обучены, но и за ваш покой, за добрые отношения между вами. Чтобы, когда сэйверы шли на аврал, то думали о деле, а не о пропавших дочерях. Понимаешь? Поверь, рекрут, я не говорила тебе об Оли, боясь ошибиться. Обнадёжить и разочаровать.

— Кайя, мне нечего сказать.

— Ничего не надо говорить. Отбой был. Рекрут, марш в казарму. Передай Сандро шесть часов ареста.

— За что?

— За ГОСПОЖУ. Понял, господин?

ГЛАВА 10

За завтраком Лушт подошёл к Вечко.

— Ты мог бы кое-то для меня сделать? По секрету.

— Портрет Кайи?

— Ты как догадался?

Вечко улыбнулся:

— Догадаться было невероятно трудно. Сделаю, конечно.

— Нет, мне бы её изменить.

— То есть?

— Говорят, она пришла к сэйверам с косой. Хотелось бы взглянуть.

— А ещё в платье? С голубыми бусами на шее?

— Почему — с голубыми?

— Так она пришла к нам. Подошла к воротам, заявила: «Я ничего не умею. Но может, на что-нибудь сгожусь?» И сгодилась… Ты учти, я тебе ничего не рассказывал, а то сидеть мне на губе. В общем, зайди ко мне в рубку вечером.

— Вечером не могу: к дочери пойду.

— Ладно, тогда я тебе в казарму занесу. Тс, Кайя идёт.Сев за первый попавший столик, она быстро проглотила завтрак и, ни с кем не поговорив, ушла.

— Ну, рекрут, тебе пора на занятия, — сказал Вечко. — Просьбу твою я выполню… Слушай, Сандро сидит опять из-за тебя?

— Да. Но это в последний раз. Я понял.Вечко пришёл в рубку. Он довольно точно описал Лушту портрет Кайи, который до сих пор где-то хранился. Осталось добыть его.

Вечко не зря звался компьютерным гением. Он сумел бы проникнуть даже в сверхсекретные личные файлы Кайи. Но если такое изображение и было, Кайя его давно уничтожила. Однако существовал человек, который, безусловно, сохранил его. Мирх. К нему даже вламываться не было нужно.

Вечко «добыл» Кайю, перевёл её изображение на свой персональный компьютер. Потом чуть раздвинул ей губы в улыбке, прищурил слегка глаза… Может, этот рекрут сделает её такой? Вечко пририсовал к Кайе Лушта. В обыкновенной, «гражданской» одежде. Развернул их головы друг к другу… Нет, не то. Вдруг его осенило: он поместил между

ними Оли. Всё встало на свои места. Если бы только…

Тут его вызвала сама Кайя. Вечко вздрогнул. О всеведении вождя в полку тоже ходили легенды. Он даже заподозрил, что Кайя знает, чем он занят.

Но дело было в другом. Она просила его проверить пульты на постах, особенно на шестом.

— Я хочу, чтобы там комар носа не подточил. Очень скоро, полагаю, недели через две, там будет горячо.

— Что может случиться?

— Если что произойдет, то при твоём участии. Есть у меня одна идея…

— У меня тоже.

— Ты что придумал?

— Содрать в секторе весь пол и посмотреть, что под ним. Откуда эти воронки и всё прочее.

— Я думала об этом же. Давай думать вместе.

— Но почему через две недели?

— Рекрутов отправим в лагеря, хлопот будет меньше. Я отпуск возьму. Вот тогда попасемся на шестом посту.

Вечером Кайя с Луштом снова зашли к Оли. Девочка обрадовалась. Она рассказала, что Элена начала учить её читать, и она, Оли, уже выучила несколько букв. Она весело щебетала, сидя на коленях у Кайи, но уделяя внимание рекруту тоже. Вдруг Кайя спохватилась.

— Мне надо уйти ненадолго… Луште, побудешь с Оли?

— Ты вернёшься? — спросила девочка.

— Конечно, моя хорошая. Пока поиграй с Луштом чтобы он не соскучился.

Она быстро вышла. Никуда ей не надо было уходить. Просто пусть Оли привыкает к отцу. Кайя смотрела через стекло, как девочка причёсывает Бусси. Лушт одной рукой придерживал игрушку, другой обнимал дочь, Оли рассказывала ему сказку — её, Кайи, сказку…

Дождавшись, когда девочка закончит рассказывать, она вошла.

— Ну, Оли, пора спать. Прощайся с Луштом. Спеть тебе колыбельную?

— Да! — обрадовано закивала девочка. Кайя усадила её себе на колени, стала расшнуровывать платье, напевая что-то о шепчущихся листьях. Рекрут, опустившись рядом с ней, стал расстёгивать на ребёнке башмачки. Сняв с Оли одежду, Кайя сделала знак рекруту взять девочку на руки и отнести в ванную. Песни хватило надолго. Оли вымыли, вытерли, одели в пижаму. Лушт отнёс её в постель. Только натянув на неё одеяло, Кайя закончила петь. Они с Луштом нагнулись поцеловать девочку, их щёки слегка соприкоснулись. Рекрут скосил глаза на Кайю, но она просто не отреагировала.

— Спокойной ночи, Оли.

— Кайя, — вдруг привстала девочка. — Ты знаешь, меня зовут Сана.

— Да?

— Сана… Я помню… мама меня так называла…

Кайя внимательно посмотрела на девочку.

— Ты хочешь, чтобы тебя называли по имени?

— Да.Она снова уложила Оли, поправила одеяло:

— Спокойной ночи, Сана.

— Ты завтра придёшь?

— Приду.

— А ты, Лушт?

— Обязательно, моя хорошая.

У себя на койке он нашёл портрет Кайи. Вечко не оставил ему своего творения, только её одну, в платье и голубых бусах. «Что же она с собой сделала? — подумал Лушт. — Зачем? Что же такое страшное могло с ней случиться, чтобы…»

Следующим вечером они с Кайей снова зашли к девочке. Сана вприпрыжку побежала к ним, но поскользнулась и упала бы, если бы Лушт не успел её подхватить. Он поднял дочь и держал наверху над собой на вытянутых руках.

— Не летай вниз. Летай вверх!Кайя, посмотрев на такую счастливую картинку, стала пятиться к выходу. Сана заметила это.

— Кайя, не уходи! Пусти меня, Лушт! Ну, пусти!

— Отец осторожно опустил её на пол. Девочка, схватив его за руку, потащила к Кайе.

— Давайте играть в «дочки-матери». Кайя будет мама, Лушт папа, я дочка, Бусси мой братик.

Кайя закрыла глаза. Так и могло бы быть, если бы…

— Давай поиграем во что-нибудь ещё. Видишь, Кайя не хочет, — тихо предложил Лушт.

— Почему же не хочу, — заулыбалась она. — Просто не умею. Я никогда не играла в такую игру.

— Я тебя научу, — пообещала девочка. — Ты садись в кресло, пеленай Бусси. Я буду просить тебя почитать мне, а ты ответишь, что тебе некогда, и будешь кричать, что я же, как мой папа. Потом папа придёт с работы, ты скажешь ему, что я не слушалась, он поставит меня в угол.

— Твой папа ставил тебя в угол? — спросил Лушт.

— Ну, он не мой папа. Моего папу зовут как тебя. Но мама сказала, что папа Лушт ушёл и бросил нас, теперь будет новый папа.

— Мне не нравится эта игра, — сказала Кайя. — Давай играть по-другому.

— А как?

— Давай, мы ждём папу с работы, убираем комнату, чтобы было чисто, и ему было приятно прийти домой. Папа приходит с работы и приносит тебе игрушку — Бусси. Потом мы вместе читаем сказку, и никто никого в угол не ставит.

— Вообще никогда?

— Это очень плохо, когда наказывают ни за что.

— Так не бывает, — авторитетно заявила Сана.

— Но ведь эта игра? — улыбнулась ей Кайя.

— Лушт, тебе такая игра понравится? Будешь моим папой?

— Конечно, маленькая моя.Он снова взял на руки дочь, прижал к себе, посадил на плечо.

— Хочешь покататься?

Она почти автоматически взялась за его уши и вдруг понюхала волосы.

— Лушт, у тебя волосы пахнут, как у папы. И катал меня так на плече только папа…

Кайя и Лушт переглянулись. Кайя кивнула. Рекрут, осторожно сняв дочь с плеча, прошептал:

— Я ведь и есть твой папа…

Что было! Словами не описать. На визг явилась Элена.

— Мне что, вас всех тапочкой разгонять?

— Элена, — попросила Кайя, — можно, Лушт переночует у дочери?

— Это ещё что за фокусы!

— Ну, пожалуйста, Элена!

— Нет. Придёте завтра. Прощайтесь.

— Папа! Ты завтра придёшь?

— Конечно, моя дорогая.

— Кайя, а ты?

— Наверное, нет. К тебе теперь будет приходить папа.

Сана подбежала к ней и обняла:

— Ты не рада, что папа вернулся?

— Очень рада, моя хорошая.

— Но ты теперь меня больше не любишь?

Кайя прижала к себе девочку и, лаская её, зашептала.

— Я очень тебя люблю, маленькая. И всегда буду любить. Даже не думай, что могу перестать. Ты моя самая дорогая девочка.

— Ты придешь завтра?

— Боюсь, что нет.— Почему?— У меня вахта. Завтра будет только папа.

Она поцеловала малышку и отпустила.

— Лушт, нам пора. А то Элена и правда тапочкой разгонит.

ГЛАВА 11

Кайя направилась к себе в кабинет. Лушт последовал за ней.

— В чем дело, рекрут? Почему не в казарме? Отбой был.

— Кайя, вне палаты моей дочери ты можешь немного побыть человеком?

— Нет, — отрезала она, садясь в кресло. —— У тебя срочное дело?

— Ты действительно завтра на вахте?

— Да.

— Только по этой причине не пойдешь к Сане?

— Не только. Её пора отучать от меня. Теперь девочка в надежных руках, не так ли? Я ей не нужна. Поэтому…

— Ты ей нужна. Она любит тебя, ты её тоже.

— Дальше? — Кайя включила монитор, делая вид, что по

уши занята.

— Правда, она придумала хорошую игру?

— Какую? — рассеянно отозвалась Кайя. Она набирала шифр Вечко, чтобы передать на его компьютер кое-какие данные.

— Как это? В дочки-матери. Я папа, ты мама…

— А… — столь же рассеянно откликнулась Кайя. — Это всё?

— Знаешь, ты больше не обманешь меня.

— Что-о?!

Она подскочила на месте.

— Ты сейчас же скажешь, в чем это я тебя обманула, — зашипела она. — Да будет тебе известно, я не лгу. Никогда! Я могу утаить правду, но не могу произнести ложь.

— Ты лжёшь постоянно. Вот этим всем, — он сделал круг указательным пальцем. — Но я видел тебя настоящую. Там, у Саны. Говорю ещё раз: ты меня больше не обманешь.

К его удивлению, её гнев внезапно испарился.

— Ты об этом… Так это не мой обман, а твоя ошибка. Настоящая я сейчас. Та, кого ты совершенно справедливо назвал «чудовищем».

— Хочешь сказать, что перед ребёнком ты притворялась?

— Нет. Но… я не могу ничего объяснить тебе, Лушт. Просто прими всё как есть. Не раздумывай над этим слишком много: мозги вскипят.

Она снова села, уткнувшись носом в клавиатуру, и сказа-

ла:

— Спокойной ночи, рекрут.

Он, однако, не ушёл, остался стоять. Кайя подняла голову:

— Что-то ещё?

— Хорошую игру придумала Сана.

— Ты уже говорил. Завтра ты с ней поиграешь.

— Завтра не будет тебя, как же без мамы?

— Значит, без мамы.

Лушт вплотную подошёл к её столу.

— Кайя…

— Ну? — Посмотри на меня.

— Что? — она подняла голову.

— А если ты и правда была бы её мамой?

— Я не её мама. У меня нет дочери.

— Но если?

— Ты переутомился, рекрут. Иди отдыхай.Она перевела взгляд на экран и вдруг со злостью вдарила по столу. Лицо её исказилось, она рванулась к двери. По щекам катились слёзы.

Рекрут перехватил её.

— Куда ты?

— В лазарет! Попрошу у Элены кислоту! Плесну себе в лицо! Может, тогда это прекратится!

— Ты что? — Лушт сильно встряхнул её несколько раз. — Соображаешь?! — потом обнял, прижал к себе, стал поглаживать по спине, одновременно слегка целуя ёжик на го-

лове. — Успокойся! Ну вот, всё хорошо, всё хорошо… нельзя же так…

Она почти бессознательно вцепилась в него, сначала плача в голос, потом уже только всхлипывая. Но даже когда успокоилась, Кайя ещё немного постояла, просто уткнувшись ему в грудь. Лушт почувствовал, что самое худшее позади, осторожно поднял её лицо.

— Порядок? — ласковым полушёпотом спросил он. Кайя кивнула, всё ещё не отрываясь от него. Рекрут чуть прикоснулся губами к её мокрым щекам. Потом потянулся к губам. Но Кайя, резко вывернувшись, достала платок, вытерла лицо. Медленно сложила платок, повернулась к Лушту. Своим обычным тоном она сказала:

— Ты извини меня за эту истерику, рекрут. И… я тебе мундир испачкала. Завтра я распоряжусь, чтобы ты получил новый. Этот сдай в чистку.

Лушт вздохнул.

— Не сдам. Оставлю себе. На память о том, что ты всё-таки можешь быть человеком.

Он ощупал мокрое пятно на груди.

— Ты не знаешь, о чём ты говоришь. Я НЕ МОГУ быть человеком.

— К счастью для тебя самой, можешь.

Неожиданно для неё перемахнув через её стол, он глянул на монитор.

— Так вот что тебя так расстроило!

— Не смей, — закричала она, но было поздно. Лушт уже увидел на экране картинку, случайно пойманную ею с компьютера Вечко. Ту самую, где они втроём.Кайя попыталась хлопнуть по кнопке, но Лушт, взяв её за локти, крепко держал, пока она не перестала дёргаться

— Вечко у меня на губе отсидится, — процедила она.

— Послушай, Кайя, но ведь он прав. Это самое лучшее, что только может быть. Объясни, что ты злишься?

— Я вовсе не… Ладно, отпусти.

— Сначала скажи, чего злишься. Зачем терзаешь и себя, и меня?

— Тебя? Что я тебе сделала?

— Каким языком с тобой говорить?! Ты что, ничего не видишь, не понимаешь?

— Отпусти.

— Нет.

Кайя, фыркнув, больно ударила Лушта пяткой. Он ослабил хватку. Воспользовавшись этим, она перебросила его через стол.Он лежал на поду, она, чётко фиксируя его руку, говорила.

— Лушт, я тебе повторяю. Не кипяти мозги над моими проблемами. Ты зря считаешь, что эта картиночка на мониторе — наилучший выход. Этого никогда не будет, потому что не может быть никогда.

С этими словами она отпустила его, даже хотела помочь подняться. Но он встал сам.

— Ты всё-таки чудовище.

— Да. Я чудовище. Надеюсь, ты это хорошо осознал? Теперь оставишь меня в покое?

Кайя отвернулась. Ей снова потребовался платок.

— Почему?

— Что — почему?

— Почему ты стала чудовищем? Точнее, почему ты пытаешься им стать? Зачем вытравляешь из себя всё человеческое?

— Всё слабое. Я должна быть сильной, чтобы ожить. Потому что не имею права уйти по доброй воле. Я давлю в себе все, что мешает.

— Несчастная ты девочка…

— Я? Ты ошибся. Счастливой меня назвать, конечно, ни у кого язык не повернётся. Но быть несчастной — роскошь. Я не могу себе её позволить. Мне просто некогда: служба, понимаешь ли. Всё, что службе мешает, я исключаю.

— Но так жить нельзя!

— В общем, ты прав. Я не живу. Я служу.

— А жить тебе не хочется?

— Нет.

— Желание жить — тоже слабость, которую ты задавила?

— Это желание не пришлось давить. Оно ушло само.

— Кайя… А желание любить?

— Не надо, Луште… — попросила она.

— Почему не надо? — он снова подошел к ней поближе.

— Кайя… посмотри мне в глаза… теперь скажи, что ты не любишь меня.

Она смотрела в его глаза так, словно готова была, нырнув в них, утонуть. И молчала.

— Скажи… — попросил он, тоже глядя ей в глаза.

— Скажи что-нибудь… Что не любишь — или что любишь… Прошу тебя…

Его дыхание щекотало ей лицо. На какое-то время Кайя потеряла контроль над собой. Когда очнулась, он целовал её, она же отвечала на его поцелуи.

— Пусти…

— Опять драться будешь?

— Пусти…

— Не-а.

— Я тебя прошу.

— Никуда я тебя теперь не пущу. Не смогу, понимаешь? — он снова поцеловал её. — Сана придумала хорошую игру, правда?

— Луште… Этому не бывать. Пожалуйста, будь разумен.

— Не хочу я быть разумным.

— Лушт, не вынуждай меня на крайние меры. Самое лучшее для тебя — забыть свою слабость. Просто ты размяк, когда увидел, что Сана узнала тебя. Это пройдёт, поверь. Через несколько дней ты, если вспомнишь этот эпизод, будешь удивляться. Или даже потешаться.Она говорила с ним так, как будто убеждала ребёнка.

— Что ты… потешаться… вот выдумала… — вдруг он взял её за плечи, чуть-чуть отстранил. — Я, кажется, понял. Ты мне не веришь?

— Лушт, если бы не верила, я бы за тебя не поручилась, правда?Он успокоился, снова попытался положить её голову себе на грудь. Но она отстранилась.

— Давай прекратим. Чем дольше это продлится, тем тяжелее будет потом. Ступай спать: ночь почти на исходе.

— Тебе тоже надо выспаться, любимая.

— Уже не удастся. Работы много.

— Как же ты будешь?

— Лушт, это моя служба. Я сплю не каждую ночь. Но сэйверы должны быть здоровыми и отдохнувшими. Поэтому марш в казарму, или я вызову ночную вахту, тебя туда отведут.

— Опять начальника корчишь?

— Я и есть твой начальник. Не забывай этого. И… Хочу попросить тебя, Лушт.

— Да?

— Пожалуйста, на людях будь таким как всегда, а не как здесь только что. Не забивай последнего гвоздя в мой гроб.

— Ты с успехом это сделаешь сама.— Твоя забота теперь — дочь. Помни о ней.

— О тебе тоже. Вы обе мне дороги… Кайя, ответь, ты влюбилась в меня с первого взгляда?

Она усмехнулась:

— Почти.

— Прямо когда увидела, в тоннеле? — он, улыбнувшись, вышел. Кайя как-то горько посмотрела ему вслед.

— Нет, Лушт. Я встретила тебя давно, когда была ещё жива.

ГЛАВА 12

После завтрака Кайя заглянула в гимзал.

— Сандро, Лушта отправь в казарму. Он всю ночь не спал. Видишь, с ног валится. Как дела вообще?

— Нормально.

— Пусть на неделе сдают нормативы, потом — в лагеря. Старшим пойдёшь ты.

— А Мирх?

— Останется. Вопросы?

— Всё ясно.

— График сдачи нормативов мне на стол вечером. Для всех рекрутов, Сандро, не только для «стрекоз».

— Понял.

— Это всё. Рекрут Лушт — немедленно спать.

— Тебе бы тоже не помешало, — отозвался он. Кайя развернулась.

— Ты так считаешь? Сандро, подержи курточку!

Лихо запрыгнув на ближайший снаряд,она проделала сложнейшие упражнения с головокружительной скоростью.

Потом спрыгнула, натянула куртку.

— Как видишь, моей службе усталость не мешает. Я всегда в форме. А ты? Кстати, Сандро, объясни еще раз рекруту, что приказы не обсуждаются.

После гимзала Кайя вызвала к себе Вечко.

— Ну, привет злейший друг.

— Чем обязан?

— Я хотела ночью кое-какие данные тебе на компьютер передать. По шестому посту.

— Да, я их получил.

— А я получила твоё художество. «Папа, мама, я — весёлая семья». Имеешь что-нибудь сказать?

— Многое имею.

— Ну и?

— Да не скажу я ничего. Ты всё равно не услышишь.

— Надеюсь, и не увижу. Вечко, почему каждый считает себя вправе лезть в мои дела? У меня своя голова на плечах, я сама решаю свои проблемы, ни на кого их не вешаю.

— Вижу я, как ты их решаешь.

— Как могу — так и решаю. Посторонним вход воспрещён.

— Значит, сэйверы для тебя посторонние?

— Не передёргивай!

— Между прочим…— Хватит! — она шлёпнула ладонью по столу. — Давай о деле.

Они долго совещались. Когда он ушёл, Кайя вызвала де-

журного.

— Мирха освободить, ко мне в кабинет.

Лучше всё это пережить в один день. То Лушт, то Вечко. Трёпку от Мирха она тоже хочет получить сразу. Потом скинет этот день в самую глубокую яму своей памяти. Как страшный сон. Всё пойдёт по накатанной дорожке…

— Садись, Мирх. Извини, что я тебя арестовала. Просто сорвалась.

— С цепи.

— Ну да, с цепи.

— Теперь снова себя на цепь посадила?— Сажаю. На цепь со строгим ошейником.

— Не забудь намордник.

— Не бойся, не забуду. В общем, ты свободен.

— И прощён?

— Всё, что я тебе говорила, остается в силе. Я не беру назад ни одного слова. Но сажать тебя на губу бессмысленно: так мы ничего друг другу не докажем.

— Ты хочешь мне что-то доказать?

— Боюсь, не смогу. Я хочу, чтобы ты сам разобрался, в чём корень твоей неприязни к Лушту.

— Я уже сказал: не знаю, — раздраженно ответил Мирх. — Просто рядом с ним я чувствую себя неуютно, словно от него исходит постоянная, но неизвестная мне опасность. Как от воронки на шестом посту. Когда она возникает — никто не знает, где — тоже, начеку приходится быть всегда.

— Мирх, пожалуйста, припомни. По отношению ко мне у тебя не было такого ощущения?

Он сдвинул брови, вспоминая, и вдруг удивленно посмотрел на неё:

— А ведь точно, Кайя. Было. В самом начале. Но я быстро отогнал это чувство, поняв, что был не прав по отношению к тебе.

— Да? Значит, было? Почему, Мирх? Чем ты это объяснишь?

— Не знаю. Я подумаю. Это для меня самого неожиданно.

Кайя понимала, что провоцирует Мирха. Понимала, что результат его раздумий может быть ужасен, но хотела дойти до конца. Если этот конец будет тем самым, какого она опасается, им всем троим придётся покинуть полк: ей, Лушту и Сане. Только от ворот они направятся в разные стороны…

— Это всё? — прервал её мысли Мирх.

— Не совсем. Мне сегодня потребуется выйти в Город. Если я не успею к вахте, подменишь?

— Хорошо.

Вот это уже было как по-прежнему.

— Ещё, Мирх. Скоро отправим рекрутов в лагеря. Старшим я на этот раз пошлю Сандро. Ты останешься в полку. Я возьму отпуск, чтобы отдохнуть от всего. Теперь иди, приведи себя в порядок, приступай к службе. И подумай.

Затем она переделала ещё кучу дел, заказала чистый мундир для Лушта и вышла в Город.

Обед Лушт проспал. Проснулся, когда Вечко тряс его за плечо:

— Ужинать будешь?

В столовой её не было, хотя рекрут вертел головой во все стороны.

— У Кайи уже началась вахта?

— Началась, но её заменил Мирх. Кайя сидит.

— Что?!

— Сидит, — невозмутимо повторил Вечко.

— За что?

— За нарушение общественного порядка.

— Можно подробнее?

— Пожалуйста. За драку на улице Города. К ней пристали какие-то м…м…м… типы с неким предложением. Она развернулась, уползти эти дураки уже не смогли. Там её арестовали. Сейчас загорает в участке. До выяснения обстоятельств.

— Подожди. Но ведь это самооборона?

— Да.

— Она никого не убила?

— Что ты! У Кайи природный самоконтроль! Она их вывела из строя, кажется, кто-то уже не сможет с девушками… ну, ты понимаешь.

— Сколько их было?

— Шестеро.

— Она одна — всех?

— Это же Кайя!

— На неё напали, она арестована, а товарищи-сэйверы в ус не дуют?

— Предлагаешь штурмовать участок и вызволить?

— Хотя бы.

— Вот чудак! У неё знакомый комиссар полиции, он уже всё выяснил, ей ничего не грозит. Посидит до утра — а там её выпустят.

— Почему же «посидит», если всё выяснили?

— Я попросил. Тебя она днём спать отправила, а сама? Вот я и воспользовался случаем: отдохнуть её заставил. Ведь по-другому никак не получается. Решётку она не перегрызёт.

Лушт покачал головой.

— Чего её в Город понесло?

Вечко мягко улыбнулся.

— Она заметила, что я стал прихрамывать, месяц назад заказала новые протезы. Сегодня пошла выкупать, Комиссар по её просьбе прислал их… И ещё туфельки для твоей дочери. Зайди в кабинет, забери, прежде чем к Сане пойдёшь.

— Заберу. Вечко, как вы можете её одну, без охраны, в Город пускать?

— Ведь и ты без охраны ходил?

— Сравнил! Я мужчина!

— Которого она в любой момент одной левой уложит.

— Знаешь, Вечко, вы на словах уважаете её, а на деле вам,

по-моему, глубоко наплевать. Шла бы она с охраной — никто бы напасть не посмел.

— Ну, если ты такой умный, попробуй предложить ей охрану. Я тебя потом нашатырём в себя приведу.

— Она у вас что, Великая Богиня? Все у неё по струнке ходят, она же никому не подчиняется?

— Почему же. Есть Совет…

— Вот пусть Совет запретит ей без охраны выходить за стены.

— Знаешь, ты прав, — прищурился Вечко. Потом хихикнул. — Совет я соберу прямо сейчас. Экстренно. Пока её нет. Мы отыщем формулировочку, по которой она, вернувшись, на губе с недельку побудет. Спасибо за идею, рекрут. Да ты не бойся, она автора не узнает, не выдам! Охрану мы ей навяжем непременно.

ГЛАВА 13

— Рекрут Лушт, в рубку.

— Есть.

Лушт улыбнулся. Каждый вечер ему приходило сообщение из полка. Считалось, что от Саны. Но она, хоть и училась помаленьку читать, однако к пульту ещё не подходила. За неё писала Элена. Иногда Кайя. Стиль сразу можно было различить. Если речь шла только о дочери, то отправителем была, безусловно, Кайя. Если были сведения и о ней,

писала Элена. С той самой ночи в кабинете Лушт не видел Кайю. Вечко сдержал слово, она неделю отоспалась на гауптвахте. Потом его и других рекрутов отослали в лагеря. Драли с них тут по три шкуры. Уже через месяц из тридцати рекрутов осталось девятнадцать. «Стрекозы» остались все. Сандро, впрочем, не делал различия между отрядами. Гонял всех без разбора. К его удивлению, Лушт вдруг стал показывать самые лучшие результаты. А он-то боялся, что этот рекрут сломается…

Оставалось ещё около двух недель. Лушт всей душой рвался назад, в полк. к жене и дочери. Потому что Кайя всё равно станет его женой. Иначе не может быть. Он заставит её снова отрастить косу, носить платья, танцевать, улыбаться. Она ещё станет самой красивой и самой счастливой.Сюрприз, который его ждал в рубке, был из серии «так не бывает».

— Папа! — Сана прыгнула ему на руки. — Папочка! Как же я соскучилась по тебе! Я так долго просила Кайю отвезти меня к тебе! И вот допросилась. Папочка! Знаешь, я всё вспомнила. Доктор сказал, что я совсем здорова. Папочка, миленький, ты скорей ко мне возвращайся, ладно? Мне Кайя каждый вечер сказки рассказывает. Я тебе потом расскажу. Я уже совсем научилась читать. Я тебе почитаю, когда ты вернёшься!

Она щебетала и щебетала, рассказывая о себе и о Кайе.

— Где Кайя? — спросил Лушт.

Она пошла к Сандро. Сейчас вернётся.

— Сана, — прошептал ей на ушко Лушт, — ведь Кайя хорошая, правда?

— Очень, папа, — серьёзно ответила девочка.

— Ты её любишь?

— Очень-очень.

— Ты бы хотела, чтобы она была твоей мамой?

— Хотела бы. Я всё время играю с Бусси, будто она — моя мама…

— Давай её попросим?

— О чём попросим? — это уже Кайя вошла. — Здравствуй, рекрут. Как ты тут? Я уже наслышана о твоих достижениях. Очень рада за тебя.

— Думаю, теперь ты мною маты не подметёшь, — заулыбался Лушт.

— Это как вести себя будешь… Сана, маленькая, мне с твоим папой поговорить нужно. Выйди в соседнюю комнату. Но никуда из неё не убегай.

— Хорошо, Кайя. Папочка, — громким шёпотом сказала ока, — ты не забудь её попросить…

Кайя закрыла за ней дверь.

— Вообще-то, разговор именно о ней, Лушт. Нашлась твоя старшая дочь. Она в столице, замужем, хорошо обеспечена. Ничего не желает слышать ни о тебе, ни о матери, ни о сестре. То есть взять Сану она отказывается.

— Поцелуй меня, Кайя…

— Поэтому возникает проблема, что делать с девочкой. Воспитывать её в полку? Нанимать няньку в Городе? Отдать в школу? Или приглашать учителей к нам? Видишь, как всё непросто…

— Поцелуй меня.

— Ты слушаешь или нет?

— Ведь не выдержала, приехала ко мне.

— Не выдержала Сана. Она так скучала, что я не могла этого вынести.

— Без Саны не приехала бы?

— Я не приехала, а прилетела. Надо было опробовать новые крылья. Я опробовала. Хорошие крылья.

— Значит, если бы не Сана и крылья, не прилетела бы?

— Ладно, сдаюсь. Считай, что я позволила себе ещё одну слабость. Последнюю. Очень хотелось повидаться.

— Вот видишь, — немного самодовольно сказал Лушт. — Вовсе не так трудно признаться, что ты меня любишь и по мне скучаешь.

— Теперь ты начнёшь задирать нос?

— Нет. С задранным носом целоваться не удобно…

— Луште, пожалуйста. У тебя серьёзная проблема: что делать дальше с дочерью. Не отвлекайся.

— У меня действительно серьёзная проблема, — взяв её за кисти рук, он стал ласкать их пальцами. — Как уговорить тебя стать моей женой.

— Этого не будет.

— Будет. Сана очень хочет, чтобы ты была её мамой. Со временем, если пожелаешь, у неё будет братик или сестрёнка…

Кайя с непонятным отчаянием смотрела на него.

— Так ли этот мир хорош, Луште, чтобы дарить его нашим детям?

— Кайя… Боги, что же такое с тобой могло произойти?

— Ладно, не будем отвлекаться, вернёмся к Сане. Что ты собираешься с ней делать дальше?

— Не будем отвлекаться. Я женюсь на тебе, у неё будет нормальная семья.

— Это невозможно.

— Почему?

— Прими как факт. Это невозможно.

— Сана очень хочет…

— С твоей подачи, правда? Вот я и предоставляю тебе объяснить ей всё. Любым способом. Даже лекцией на тему «Кайя злая-плохая, не хочет быть твоей мамой». Эту кашу ты заварил, ты и расхлебаешь. Ни в коем случае не подавай ребёнку несбыточных надежд.

— Кайя, эта надежда сбудется. Я, честно говоря, немного сомневался, но раз ты прилетела ко мне — нашла предлог и прилетела… Признайся, ты ведь хочешь этого сама.

— Луште, я не собираюсь отрицать, что люблю тебя. Мне без тебя плохо. Я хочу быть с тобой, хочу быть мамой Саны и твоей женой. Но вопрос-то не в том, чего я хочу.

— В чём же?

— В том, что мои желания погоды не делают. Нам не быть вместе. Это невозможно. Не трави душу ни мне, ни себе, ни ребенку. Будь разумен. Сейчас, повторяю, ты должен принять решение относительно дочери. Причём в том варианте, как если бы меня не было в принципе.

— Ты не хочешь хоть немного отпустить волосы?

— Я не… держи свои руки при себе, рекрут Лушт.

— Не могу.

— С тобой невозможно говорить серьезно, если ты не распластан на полу.

— Неужели тебе неприятно?

— Рекрут, я все равно обучена лучше. Предупреждаю.

— Поцелуй меня.

— Вижу, по-хорошему с тобой нельзя, — она резко бросила его через бедро.

— Ну, пришёл в себя?

— Ах, ты так? — засмеялся Лушт.Прямо с пола он взвился пружиной — и промахнулся. Кайя действительно была хорошо вышколена. Он еще несколько раз тщетно пытался одолеть её, пока не понял, что она не только аккуратно укладывает его на пол, но следит, чтобы обошлось без травм. Наконец, она победоносно оседлала его.

— Признаю своё поражение.

— Так-то лучше. Вставай.— Так и не поцелуешь?

— Поцелую. На прощание. В последний раз.— Ну, уж и

в последний.

— Видишь ли, Лушт, я бы не прилетела к тебе ни под каким предлогом, даже для Саны. Через полторы недели ты возвращаешься в полк. Думаешь, я бы не выдержала?

— Что ж тогда прилетела?

— Мне предстоит сложное дело. Рискованное. Может случиться, что мы видимся в последний раз. Поэтому я позволила себе эту вольность — прилететь к тебе. Попрощаться. Считаешь, я зря это сделала?

— Кайя, ты так спокойно говоришь об этом?

— А ты так неспокойно воспринимаешь. Мы сэйверы. У нас в полку до старости доживают только инвалиды.

— Ты никого не можешь послать вместо себя?

— На смерть? У меня хотя бы есть шанс, другие погибнут.

— Значит, правду у нас говорят, что ты смерти ищешь?

— Интересно знать, кто это «у вас говорит».

— Неважно. Правда это, никогда-не-лгущая-Кайя?

— Нет, неправда, Луште. Я не ищу смерти. Это глупо. Богиня посылает за нами, когда ей угодно, а не когда мы хотим. Правда в том, что я не уворачиваюсь от гибели. Если Богиня захочет, она достанет везде.

— О, Кайя, Кайя, будь осторожна!

— По мере возможности, Лушт. Давай прощаться. Нам с Саной пора: я обещала Элене вернуть её к ужину. Подумай, что делать с дочерью.

— Кайя, можешь ты тоже обдумать одну проблему? По-

нять, что она есть и её надо решать.

— Что это?

— До сих пор ты была одна, отсекала себя ото всех, надеялась только на себя; никому не позволяла заботиться о себе. Ничто тебя к жизни не привязывало. Твоя смерть была бы бедой для твоих товарищей-сэйверов, но она никому не причинила бы горя. Теперь существуют люди, для которых потеря тебя будет невосполнима. Ты понимаешь, о ком я?

— Луште…

— Отныне ты просто не имеешь права умирать.

— Я тебя поняла, Луште. Но ты невнимательно слушал, когда я говорила с тобой тогда, в кабинете. Я не живу, я служу. Я давно уже мертва. Больше трех лет. Меня убили.

Она не дала ему ничего ответить.

— Сана! Иди сюда! Попрощайся с папой!Сана повисла у него на шее.

— Папочка, ты попросил Кайю?

— Попросил, но она не согласна.

— Почему? Кайя, ты боишься, что я не буду тебя слушаться?

— Нет, милая. Просто… Когда папа вернётся, он тебе объяснит. Нам пора. Иди к крыльям.

Сана, вздохнув, слезла с отца и вышла. Кайя подошла к Лушту.

— Я обещала поцеловать тебя на прощанье. В последний раз.

— Обещала.Она едва коснулась его губ, но он не отпустил её просто так, целуя долго и страстно. Она не вырывалась.

— Я не верю, что все кончится плохо. Это не «на прощание», — сказал Лушт.

— Это одна из вероятностей. Ты должен быть готов к такому исходу. Если я погибну…

— Ты не погибнешь.

— Если я погибну, забирай Сану и беги из полка в неизвестном направлении. Вечко тебе поможет, он предупреждён. Иначе Мирх тебя сживёт со свету. Обещаешь?

— Ты не погибнешь.

— Ради моего спокойствия, обещай, Луште!

— Хорошо, обещаю. Но ты не погибнешь.

— Наверное. Но ты обещал. Прощай.

Она выскочила вон.

ГЛАВА 14

Пятую неделю Кайя не приходила в себя. Внешних повреждений было немного, зажили они быстро, но сознание к ней никак не возвращалось. Она лежала под пластиковым чехлом, вокруг пищали аппараты, внутривенно ей вводили питательный раствор. Её навещали все сэйверы по очереди. Лушт был при ней постоянно. То есть в любое свободное от тренировок время. Товарищи-сэйверы всё понимали.

Вечко, заменивший Кайю, сразу по возвращении рекру-

тов вызвал Лушта в кабинет. Уже по тому, что Кайи в кабинете не было, рекрут понял: случилась беда. Он коротко спросил:

— Жива?

— Да.

— Где?

— В лазарете.

— К ней можно?

Вечко, вздохнув, попросил:

— Сядь, рекрут. Она к тебе в лагерь летала? Ты помнишь, что ты ей обещал?

— Что женюсь на ней.

Вечко засиял.

— Ты серьёзно? Она согласилась?

— Не совсем. Но согласится.

— А-а, — разочарованно сказал Вечко. Потом добавил. — Может, она бы согласилась. Ты знаешь, она Сану к себе взяла. То есть, девочке, конечно, своя комната выделена, но пока ты был в лагерях, Сана жила при Кайе.

— А теперь?

— У Элены. Вернёмся к вопросу. Ты понял, зачем Кайя к тебе в лагерь летала?

— Попрощаться.

— Ну, попрощаться тоже. Главное — предупредить. Если с ней что случится — бери дочь и удирай. Ты ведь именно это ей обещал?

— Обещал. Но я не думаю, что Мирх так опасен.

— Я тоже не думаю. Однако Кайя настаивала, чтобы я помог тебе спастись.

— Но ведь она не погибла?

— Как тебе сказать… Она жива, конечно, но в коме. Так что может быть, тебе пора выполнить данное ей обещание.

— Пока она жива, я буду здесь.

— Ну, хорошо. Жить ты теперь будешь с Саной. Я уже распорядился, чтобы её отвели в прежние комнаты. Дежурный покажет тебе, где это. Перенесёшь вещи.

Они также договорились, что Лушт будет заниматься наравне со всеми. Он исправно посещал «поле», учился обращаться с крыльями, даже успел насладиться первыми полётами.

У Кайи стали отрастать волосы, лицо её вдруг преобразилось. Она лежала по-прежнему с закрытыми глазами. Такие же бледные щёки, тот же точёный нос. Лушт не мог объяснить, что именно стало другим. Волосы у неё росли быстро, уже были в полпальца длиной.Однажды доктор, чуть приоткрыв её саркофаг, сказал.

— Возьми её за руку, поговори. Она, может быть, слышит, хоть не реагирует.

С тех Пор Лушт каждый вечер разговаривал с Кайей. Сана тоже навещала её. Дома они с этого времени смотрели на портрет Кайи. Однажды Лушту показалось, что его следует повесить. Рекрут взял портрет, стал ощупывать стену в

поисках подходящего места. Видимо, он случайно нажал на сенсор. Часть стены отошла, он шагнул вперёд, оказавшись в «святая святых».

Среди сэйверов бытовало мнение, что её комната — это абсолютно пустой бокс с откидной узкой койкой. Ведь всем известно, что Кайя отказывала себе во всём. В какой-то степени Лушт был уверен, что так и есть. Его совершенно не удивило отсутствие койки вообще: спала она, оказывается, на полу. Это было в её стиле — в стиле Кайи-сэйвера.

Удивило его всё остальное. Стены были уставлены стеллажами, из которых торчали какие-то доски. Он вынул одну из них наугад. Картина. Судя по всему, она писала её сама, причём, недавно, потому что это был портрет Саны в том платье, которое он купил ей перед отбытием в лагерь.

Лушт стал копаться дальше. Портреты Элены, Мирха, Вечко — в нескольких вариантах. Мариги. А это уже целая поэма в красках: «стрекозы», летящие над полем. Как же она, оказывается, талантлива…

На следующем портрете был изображён он сам. Далее — везде. В фас, в профиль, стоя, сидя, с Саной, на турнике, в мундире, в штатском, с Бусси… Доски ещё немного попахивали краской. Лушт непроизвольно улыбался. Всё-таки она думала о нём. Каждый мазок на портретах наложен с такой нежностью и любовью…

На стеллаже осталась единственная доска. Он ожидал увидеть ещё одного себя. Но увидел Её. Распластанную на сло-

манных крыльях. Поверженную. Умирающую. К боковине был пришлепнут сложенный листок с его именем.

«Мой любимый, раз ты попал в эту комнату и читаешь это письмо, значит, меня уже нет. Я выполнила долг сэйвера, Богиня забрала меня окончательно. Не горюй. Всё равно мы не могли бы быть вместе, даже если бы я осталась жива. Помни о своем обещании, спасайтесь с Саной от Мирха.

Любимый, не жалей ни о чём. То, что случилось — самое правильное. Я только надеюсь, что мы всё-таки смогли обезопасить шестой пост, тогда моя гибель не была напрасна, в отличие от моей жизни. Прощай. Я благословляю тебя и Сану».

Аккуратно сложив листок, Лушт положил его в карман мундира. Нет, ни напрасно, ни ненапрасно она не погибнет. Это слишком жестоко и несправедливо. Что бы ни было в её прошлом — ведь она заявила, будто её убили — Кайя начала оживать. Умереть теперь, когда могла бы стать счастливой… Нет. Он, Лушт, этого не должен допустить.

Ставя доску на место, он услышал:

— Папа! Что ты здесь делаешь? Кайя не разрешает.

Рекрут оглянулся. У него не было сил улыбнуться дочери. Грустные глазёнки Саны укоризненно смотрели на отца.

— Что же ты наделал, папочка? Когда Кайя вернётся, она подумает, что это я пустила тебя сюда, не послушалась её, очень рассердится, тогда ни за что не захочет стать моей мамой.

Девчонка готова была расплакаться.

— Не бойся, я скажу Кайе, что ты не виновата. Ведь я сам вошёл, правда? Мы непременно упросим её стать твоей мамой. Обещаю тебе.

Сана закивала, но строго сказала:

— Всё равно, папа, ты должен отсюда уйти и больше не приходить. Кайя строго-настрого запретила.

— Тогда пойдём.

Оглянувшись, Лушт приметил рядом с её спальным местом маленький блокнот размером не больше ладошки. Рекрут узнал его. Такой был у каждого сэйвера. Кайя, вероятно, случайно обронила. Надо отдать Вечко: вдруг что-то важное. Он сунул его в карман и вышел вслед за дочерью.

— Закрой стену, папа.

— Я не умею.

— Тогда отвернись. Я обещала Кайе никому не показывать.

Она подпрыгнула, ударила куда-то ладошкой. Стена бесшумно сомкнулась.

Уложив дочь, рекрут спустился в лазарет, к Кайе. У неё был Вечко. Увидев Лушта, он встал было.

— Сиди. Как она?

— По-прежнему.

— Что это за дела у неё были на шестом посту?

— Ты всё-таки узнал? Шестого поста больше нет, опасной зоны тоже, воронки не появляются. Мы с Кайей начали раз-

рабатывать эту операцию уже давно. Назначили её на время, когда минимум сэйверов находились на территории полка: рекруты в лагерях, звенья на учениях или просто разогнаны в отпуска. Остались по звену от каждого отряда. В деле участвовали она со своим звеном и Мирх. Командовала, конечно, она.

— Ну, естественно. Кто же ещё?

— На шестом посту сидел Мирх. Заметил, что его не видно? Всё простить себе не может. Считает, по его вине Кайя пострадала.

— Это на самом деле так?

— Нет. Мы сняли пол, увидели под ним какой-то неизвестный сложный механизм. Так и не знаем, что это было. Теперь уже не узнаем никогда. Один из «стрекоз», летавший над ним очень низко, вдруг почувствовал, что его затягивает туда. Кайя с другими «стрекозами» буквально выволокли его. Лопасти уже начали вращаться. Тогда она отдала приказ разрушить всё… Конечно, надо бы изучить. Но Кайя решила, что это повлечёт за собой новые жертвы.

— Дальше?

— Я не могу летать: крылья управляются ногами. Она сказала, моё дело — изобретать. Поскольку мы предполагали возможность такого варианта, у меня заранее была заготовлена смесь для растворения металла. Мы начали с самого края, вроде всё шло удачно. «Стрекозы» поливали механизм, он, вспучиваясь, таял на наших глазах. Но вдруг Кайя

приказала всем убраться из сектора немедленно, передав на пульт Мирху: обеспечить всех масками. Ты знаешь, какое у неё обоняние; что-то она почуяла. Пока доставили и надевали маски, хватились — Кайи нет. Она в секторе без маски. Точнее, уже из сектора вылетела, кинула пустой баллон от смеси, крикнула мне: «Там электричество булькает». Схватила новый баллон — и туда. «Стрекозы» за ней. Под Кайей действительно булькало нечто: и жидкий металл, и всполохи какие-то, и трещало. Я проверил на радиацию, — нет, порядок. «Стрекозы», облив остатки механизма, вернулись. Сообщили Мирху, он нажал кнопку, оргпокрытие начало нарастать. Но в этом проклятом бульоне образовались волны и мини-смерчи, просто слизывая всё. Я решил сыпануть туда изофиксатор. Кайя одобрила…

— Дальше.

— Засыпали, конечно. Потом нарастили пол. Там больше ничего нет.

— Как же Кайя…

— Оставался один угол, Кайя предложила мне завершить операцию. У всех было прекрасное настроение. Мы проработали много часов, с хорошим результатом, без потерь. Я дошёл до этого угла, приготовил распылитель, нажал рычаг — и отлетел в сторону. Потом мне сказали, она отбросила меня таким молниеносным движением, что никто ничего не сумел заметить. Почуяла что-то, или интуиция сработала… из дыры вырвалась струя… даже не знаю, газа или жидко-

сти… подхватила Кайю, шмякнула о противоположную стену… Её пронесло двести метров. Представляешь? За одно мгновение. «Стрекозы» опомнились, когда всё было кончено. Мирх завершил наращивание пола, но считает, что опоздал, даже готовит себя к судьбе Дира… Вот, собственно, всё. Ты останешься здесь?

— Конечно.

— Я тогда пойду…

— Вечко, вот возьми, она потеряла.

Вечко взял блокнот, перевернул пару листов:

— Нет, это не сэйверский блокнот. Оставь себе.

— А что это?

— Если я правильно понял, стихи.

ГЛАВА 15

Вечко ушёл, Лушт занял его место, взял Кайю за руку.

— Любимая, возвращайся ко мне. К нам. Ты не можешь уйти. Не имеешь права. Вернись, я прошу тебя…

Он говорил долго, прервался, только когда вошла Элена проверить датчики.

— Может, пойдёшь к себе?

— Нет, я тут останусь.

Она, кивнув, вышла. Лушт сел в кресло, открыл блокнот Кайи. На первых листах были зарисовки птиц и зверей. Забавные и милые. Эти листы были вклеены из какого-то дру-

гого блокнота. Дальше — старинный Замок… Что-то ему это напоминало. Где-то он видел его. Но где? Словно провал в памяти…

Лушт перелистнул ещё несколько страниц. Где же Вечко нашел стихи? А, вот…

Словно платье с плеча чужого
На лицо я улыбку надела.
О, как глупо это, что снова
Я поверить в счастье хотела.
Да и есть ли оно на свете?
Для меня ли где-то летает?
Быть счастливыми могут дети —
Те, что жизни еще не знают.
У меня же его украли,
Надо мной посмеялись жестоко:
Без вины навек наказали,
Обрекли быть всегда одинокой.

Без вины наказали? Лушт перевернул ещё лист. Может быть, теперь он сможет докопаться до правды?

Я смерть недавно видела опять.
Она стояла рядом и глядела.
На помощь было некого позвать.
До бед моих кому какое дело?

Нет радости. Любви и веры нет.
Нет жизни. Есть одно существованье.
Тогда-то смерть прислала свой привет
И руку протянула с состраданьем.
Но я сама руки не подала.
Решила подождать еще немного
Хотя отныне жизнь мне не мила —
Не кончена пока моя дорога.
Попробую пожить еще чуть-чуть.
Путь смерти — это самый лёгкий путь.

Поменяю синий цвет на серый.
Вечер нужен мне — не день, не ночь.
Прогоню любовь, надежду, веру —
Только разум может мне помочь.
Подавлю желанья и стремленья.
Холодность, расчет — мой новый путь.
Ум — не сердце, чтоб стучать в волненье.
Обойдусь без грёз я как-нибудь.
Словно брызги стряхивая детство,
Без оглядки прочь хочу бежать.
Только память — ну куда мне деться? —
Прошлым счастьем бьет меня опять.

Я больше не пишу стихов.
Я не поэт.
Мне не хватает нынче слов.
И рифмы нет.
И музыка в моей душе
Не зазвучит:
Мой инструмент разбит уже
И позабыт.
Теперь живу я второпях,
Забыла сон.
Безжизненна, как серый прах
Былых времён.
О прошлом память — боль моя.
Но никогда
Не думаю, довольна ль я.
Не то беда.

Далее еще несколько страниц: схема крыльев, порядок полёта звеном, направления простейших виражей… Лушт хотел было закрыть блокнот. Ясно же, она бросила писать стихи. Но вспомнив песню о вождях, стал листать дальше.

Затянулась рана.
Ни рубца, ни шрама.
На лице улыбка,
И глаза сухи.

Праздную победу
Только по секрету,
Чтобы боль утихла,
Я пишу стихи.
А она уняться
Все не может, братцы.
И успокоенья
Всё я не найду.
Но уже не плачу.
От людей я прячу
И былую радость,
И свою беду.

Что же это за беда такая? Неужели он этого не узнает?

Как я устала быть одной!
Мне тоже хочется участья,
Покоя, радости и счастья!
Но нет нигде души родной;
Нет той груди, прильнув к которой
Могу я выплакать беду;
И той руки я не найду,
Что стала б для меня опорой;
И сердца в целом мире нет,
Которое б меня согрело;
И отыскать я не сумела

Тех глаз, что подарили б свет.
По чьей-то прихоти жестокой
Среди людей я одинока.

Та родная душа, о которой Кайя мечтала, у нее появилась. Та рука, то сердце, те глаза… Почему же она отталкивает его?

Следующее стихотворение очень соответствовало той Кайе, которую он впервые встретил в полку:

Я поставлю ограду чугунную,
Я запру свою душу за ней.
Днём ли солнечным, ночью ли лунною —
Заходить за ограду не смей.

Я узором изящным попробую
Сделать эту тюрьму веселей.
Пусть глядят. Но с добром или злобою —
Заходить за ограду не смей.

То чеканное кружево черное
Все считают душою моей.
Пусть препона покажется вздорною —
Заходить за ограду не смей.

Потом шла та самая песня о вождях. Несколько пустых

страниц, короткая запись: «Я отправила на гауптвахту Мирха». И стихи.

Мороз пробирает до костного мозга.
Но в том не зима, а судьба виновата.
Мне кажется, что-то менять уже поздно,
И ран не зашить, нанесённых когда-то.

Я в дружбу незыблемо верила прежде.
Я знала: в несчастье подставят мне плечи.
А нынче растаяла эта надежда.
И жить стало незачем, не с кем и нечем.

Тут уж Лушт почувствовал ревность: о нём, она, наверное, так не переживалась. Но со следующей страницы пошли стихи явно связанные с ним.

Чему мы верим! Вещим снам, гаданьям,
Старинным небылицам и преданьям,
Звезде, горящей где-то вдалеке…
Но только не протянутой руке.

Значит, она ему всё же не поверила?

Не клади мне на плечи
Благодарности бремя.

За добро часто нечем
Отплатить. А всё время

Жить и знать, что обязана,
Слишком тяжко; услугой
Не должна я быть связана,
А тем более — с другом.

Связь обидна такая,
И финал её — ссора.
Должников я прощаю.
Как простить кредитора?

Ещё страница.

Не могу поделиться с тобою
Я ни болью своей, ни бедою.
Хоть и стал ты моею судьбою —
Я не верю судьбе.

Лжи избегнуть была бы я рада.
Но могу ли поведать всю правду,
Если станет она лишь преградой
В жизни мне и тебе?

Лушт вздохнул. Он дочитал почти до конца блокнота — и почти ничего нового о ней не узнал. Оставалось несколько

листов.

Далеко-далече
В море, полном света,
Напевает вечер
Лунные сонеты.

Шевелясь лениво,
Волны берег лижут.
И неторопливо
Сходит солнце ниже.

Медленно, украдкой
Удлинились тени
В полудрёме сладкой,
В задушевной лени.

Воздух замирает,
Двинуться нет мочи.
Вот она какая —
Встреча дня и ночи.

Лушт закрыл глаза. Ему вспомнился родной Полуостров. Только там бывали такие чудесные вечера. Выходит, Кайя тоже с Полуострова? Может быть, там они были знакомы? Она утверждает, что он спас её. Там он однажды действи-

тельно спас от хулиганов няню из приюта, в которую потом без памяти влюбился. Её ему с первой встречи напомнила Кайя, несмотря на бритую голову и мешковатый мундир. Конечно, общего в них было мало, но… Вдруг Лушт осознал: это же она! Да, никаких сомнений! Но… Он вспомнил добрую, жизнерадостную красавицу. Даже в пасмурный день из её глаз светило солнце, а улыбка могла любого осчастливить. Что же над ней проделали? Лушт был потрясён. Он попытался прикинуть, что его самого могло бы вот так «убить». Впрочем, ведь его жизнь тоже резко изменилась, когда они расстались…

Лушт прикинул: судя по всему, она пришла в полк почти сразу после их расставания. Пока он топил своё горе, она спасала людей, убивая в себе всё человеческое… Он снова взялся за блокнот:

Солнце садилось в лиловое море,
Спрятавшись скромно за облачком малым.
Рой наш постигло тяжелое горе:
Мудрой и светлой царицы не стало.

Это неправда, что феи бессмертны:
Мы умираем не реже, чем люди.
Просто для всех наша смерть незаметна.
Просто надгробий над нами не будет.

Но не от старости, не от болезни
Жизни лишаются дивные феи.
А от сознанья, что всё бесполезно,
Сделать нельзя человека добрее.

Он вдруг вспомнил, как на Полуострове Кайя рассказывала детям сказки о феях… Правда, они не были так безнадёжны.

Заканчивался блокнот не стихотворением, а каким-то обрывком. Прощальным. Она была уверена, что больше ей стихов не писать…

Когда умру — пусть могилы не будет.
Иначе снова примутся люди
Жизнь у цветов отнимать.

Лушт снова взял её за руку. Ох, Кайя, Кайя… Милая, хорошая, любимая. Вернись. Ты больше не будешь одна. Я встану на пути любого, кто попытается причинить тебе зло. Я буду беречь и лелеять тебя. Только не покидай меня. Второй раз я с тобой расставания не вынесу…

Вдруг… Нет, ему показалось. Просто он этого очень хочет. Нет, увы… Рекрут ещё раз погладил кисть Кайи и ощутил, как её пальцы слегка пожали его руку.

ГЛАВА 16

В полку знали, что на Кайе всё заживает быстрей, чем на других. Никого не удивило, что уже через две недели после первого проблеска сознания она могла садиться в постели, ещё через несколько дней пыталась вставать. Первое, что она потребовала у Элены — полный отчёт о своей болезни и… китель.

— Ко мне будут заходить сэйверы, а я в таком виде…

К доктору она стала приставать на тему «когда отпустишь» каждый день, вместо приветствия и прощания. Ещё записочки слала на эту же тему — на розовых бумажках, щедро сдобренных нашатырём.

И каждый день «приводила себя в форму».

Лушт даже иногда жалел, что она так быстро выздоравливает. В первые дни он сидел подле неё, разговаривал, или Сана читала ей книжку, или они все вместе играли, или Кайя спала, он же просто глядел на неё. Но лишь только к ней стали возвращаться силы, от таких вечеров остались одни воспоминания, а Лушт слышал всё чаще: «Рекрут, в гимзал». Она снова становилась вождем сэйверов.

Кайя рвалась из лазарета. Она готова была дать доктору любые обещания, лишь бы её отпустили. Однажды днём, когда рекруты были заведомо на учении, она сбежала. Как была, в пижаме и кителе. Добралась к себе, вошла в «святая святых»… У неё отлегло от сердца: Лушт не побывал тут. Её блокнот так и валяется в углу, записка по-прежнему прико-

лота к торцу картины… По-прежнему?

Кайя ещё раз очень внимательно оглядела всё вокруг. Нет, не по-прежнему. Чуть-чуть не так. Словно кто-то хотел, чтобы выглядело по-прежнему.Она вышла, закрыла за собой стену, связалась с Вечко.

— Закажи мне полный комплект одежды. Я схожу в пакгауз, получу.

— Как ты?

— Как всегда, лучше всех. Переоденусь — приду в кабинет. Готовься.

— Сдавать дела?

— Пока отчитываться.

Она направилась к дальнему лифту, но вдруг услышала голос:

— Стой! Дежурный, почему посторонние в полку?

Кайя развернулась.

— Это кто тут посторонний?

Лицо Мирха было… примерно таким, как у Кайи:

— Ты что, не узнал меня? Неужели я так изменилась?

— Кайя…

— Ну да, Кайя. Что вытаращился? У меня рога выросли?

— Нет. Волосы.

Она схватилась рукой за голову.

— Ох, совсем упустила из виду. Ну, ничего. Получу одежду, переоденусь, сбрею, буду как всегда.

— Не стоит, Кайя. Тебе так идёт… Ты прямо красавицей

стала.

— Сбрею, да ещё кирпич вотру, чтобы не росли, — со злостью огрызнулась она. — Чтобы вот такого больше не слышать. Ладно, я пошла.

— Прости меня.Она подняла брови:

— Что-то ты становишься сентиментальным, Мирх. В нашем деле это недопустимо. Ты не находишь?

— Прости, это моя вина. В какой-то степени я сделал тебя такой. Ты пришла такая запуганная, несчастная… Я хотел воспитать в тебе силу.

— Тебе это удалось.

— Слишком удалось. Я не хотел такого результата.

— Чем же тебе результат не нравится? — ухмыльнулась она. — Вот погоди. Я наберу форму — и ещё всем вам покажу.

— Ты сможешь, — сказал ей вслед Мирх.

Теперь у доктора не стало сладу с Кайей. В палате её застать было невозможно. Особенно по вечерам, когда занятия в гимзале были завершены. Пробиралась туда, она тренировалась до полного изнеможения. Потом следовала дежурная трепка от врача, который всё же вынужден был признать, что эти нагрузки ей полезны.

Однажды Кайя вошла в ангар, где хранились крылья. Она проверила свой комплект, стала одеваться.

— Можно полетать с тобой? — спросил возникший ниоткуда Лушт.

— Даже нужно, рекрут. Я ведь ещё ни разу не видела тебя в полёте.

Она придирчиво наблюдала, как он проверяет и надевает крылья. Потом они вместе вышли на поле. Лушт почти автоматическим движением включил связь и намеревался взлететь, но Кайя остановила.

— Что забыл?

— Не хочу надевать шлем.

— Рекрут Лушт! Ты понимаешь, что полёт опасней, чем поход в горах?

— Ты за меня боишься?

— Я тебе давно сказала, что боюсь. Всё время боюсь за тебя и Сану. Надень шлем. Прошу тебя.

Они надели шлемы и одновременно взлетели. Кайя просто парила, Лушт по её команде выполнял всё, чему научился. Она была очень довольна. И вдруг спросила:

— Тебе нравится летать?

— С тобой мне нравится всё.

— А без меня? Пока я болела, тебе нравилось летать?

— Это здорово.

— Парить умеешь?

— Конечно.

— Тогда покомандуй немного. Я давно не летала, хочу проверить форму.Они поменялись ролями. Потом тихо спустились к ангару. Она снимала крылья, наблюдая за Луштом.

— Будем считать, что ты сдал мне полёты. Это хорошо. А

то Мирх мог опять устроить провокацию.

— К тому же мне удалось немножко покомандовать грозным вождём.

— Только не задавайся.

— Ты каждый вечер собираешься тренироваться?

— Мне надо быстрее войти в форму.

— Волосы опять сбрила…

— Рекрут, почему бросил крылья? Убери на место.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.